

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(НИУ «БелГУ»)

ФАКУЛЬТЕТ СОЦИАЛЬНО-ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ

Кафедра философии и теологии

**ДИСКУССИЯ О БОГОСЛУЖЕБНОМ ЯЗЫКЕ В РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.**

Диссертация на соискание академической степени магистра

**магистранта
очной формы обучения
направления подготовки 48.04.01 Теология
II курса группы 87001010
Почепцова Сергея Сергеевича**

Научный руководитель:
доктор философских
наук, профессор кафедры
философии и теологии
Липич Т.И.

Рецензент:
кандидат философских
наук, доцент кафедры
социальной работы
Кулабухов Д.А.

БЕЛГОРОД 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. БОГОСЛУЖЕБНЫЙ ЯЗЫК И ПЕРЕВОД ЛИТУРГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В XIX ВЕКЕ	10
1.1. Традиция русских богослужебных и библейских переводов в XIX веке	10
1.2. Переводы библейских текстов с церковнославянского на русский язык в XIX в.	36
ГЛАВА II. ВОПРОС О БОГОСЛУЖЕБНОМ ЯЗЫКЕ НА ПОМЕСТНОМ СОБОРЕ 1917-1918 ГГ.	52
2.1. Обсуждение вопросов богослужебного языка в Предсоборный период	52
2.2. Поместный Собор 1917-1918 гг. о языке богослужения	72
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	89
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	92

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Вопрос о богослужебном языке Русской Церкви с начала 90-х годов XX века является актуальнейшим и, одновременно, наиболее болезненным вопросом современной церковной жизни. О неудовлетворительном понимании используемого ныне нашей Церковью церковнославянского языка основной массой прихожан и о возможности (или даже желательности) совершения православного богослужения на русском языке было сказано и написано за последние 10-15 лет довольно много. Эта тема является и сегодня одной из самых острых и дискутируемых в церковной среде.

Такое пристальное внимание церковной общественности привлекает к себе этот вопрос не впервые в истории Русской православной церкви. Ещё сто лет назад, на начальном этапе подготовки к Всероссийскому Поместному Собору 1917-1918 годов «из всех литургических проблем, которые обсуждались в предсоборный период, наибольшее внимание привлекал вопрос о недоступности для молящихся текста богослужебных книг в силу непонимания церковнославянского языка»¹. Именно на эту тему больше всего писали и чаще всего спорили на разного рода церковных собраниях. Почти все признавали, что те или иные перемены в богослужебных книгах необходимы. Лишь изредка раздавались голоса сторонников сохранения их в неприкосновенном виде.

Активно обсуждался этот вопрос и на Поместном Соборе 1917-1918 годов, в ходе работы которого был выработан соответствующий проект решения по нему. К сожалению, гонения, обрушившиеся на церковь ещё до окончания работы Собора, не позволили тогда церковному сообществу естественным образом, безболезненно прийти к наметившемуся практическому разрешению проблемы богослужебного языка.

¹ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 23.

В новой постреволюционной ситуации у церкви возникло множество иных проблем. А вскоре и сама идея реформ была скомпрометирована на многие десятки лет вперед антицерковным движением обновленчества, некоторые представители которого активно спекулировали на ней. С тех пор и «утвердилась стереотипная ассоциация обновления церковной жизни и всяческих изменений в ней (в том числе и литургических) с «обновленчеством»², то есть с расколом, реформаторством и предательством.

Вот и сегодня особую, и отнюдь не плодотворную, напряженность дискуссии о богослужебном языке придают многочисленные и совершенно никак не обоснованные обвинения в «обновленчестве», или так называемом «неообновленчестве», тех, кто предпринимает активные попытки обсуждения этого чрезвычайно актуального вопроса, как впрочем, и других литургических проблем. А об особой актуальности подобных вопросов вполне определенно высказался архиерейский Собор Русской Церкви 1994 года: «Собор считает исключительно важным глубокое изучение вопроса о возрождении миссионерского воздействия православного богослужения. В связи с тем, что развитие литургической жизни в нашей Церкви практически остановилось в первые послереволюционные годы, а большинство жителей наших стран безвозвратно утратило традиционную для прошлых веков культуру, представляется необходимым сделать более доступными их пониманию смысл священнодействий и богослужебных текстов, хранящих в себе величайшую боговдохновенную мудрость и могущих быть действенными средствами православного образования и воспитания»³. Как минимум данное определение указывает, что и по сей день вопрос языка богослужения не разрешен окончательно.

К сожалению, многие свидетели и участники современной дискуссии о богослужебном языке «из-за прерванности культурной традиции часто не подозревают о том, что споры о возможности и необходимости перевода

² Бибихин В. Другое начало. Режим доступа: http://bibikhin.ru/drugoe_nachalo

³ Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. 29 ноября - 2 декабря 1994г. Москва. Документы, доклады. М.,1995. – С. 176.

богослужбных текстов на русский язык не умолкают уже более ста лет»⁴. Это порождает ложное представление о том, что действительно острый вопрос о богослужбном языке навязывается современному церковному сознанию искусственно и как бы извне, а не диктуется реальными потребностями и нуждами самой Церкви, ощущаемыми ею уже довольно продолжительный период времени.

Другим довольно распространенным и серьезным заблуждением является упомянутое уже выше отождествление каких бы то ни было попыток литургических реформ, и в частности реформы богослужбного языка, с возрождением обновленчества, преодоленного Церковью в первой половине XX века. Согласно этому ошибочному отождествлению, суть обновленчества 1920-х годов неверно усматривается именно в реформах и, вероятно, в реформах именно литургических. По отношению к современным попыткам привлечь внимание к вопросу о необходимости обновления нашего богослужения теперь некорректно употребляется ещё слово «неообновленчество», что также выявляет отсутствие четкого представления о том, что изначально определялось как «обновленчество» или «неообновленчество».

Особую значимость данному вопросу придаёт тот факт, что дискуссия о богослужбном языке сегодня вторично находится на том же этапе развития, который она преодолевала в самом начале XX века. Сторонниками обновления богослужбного языка, как и их оппонентами, высказываются те же аргументы, что и сотню лет назад. Настолько жива и актуальна эта проблема сегодня. Для возможно скорейшего преодоления её и необходимо знать, как развивалась эта дискуссия на рубеже веков, какие пути разрешения этой проблемы уже были указаны Поместным Собором Русской Церкви 1917-1918 гг.

Степень разработанности проблемы. При ознакомлении с историей

⁴ Плетнева А.А. К проблеме перевода богослужбных текстов на русский язык // ЖМП. - 1994. - №2. - С. 62.

проблемы богослужебного языка и имеющей к ней непосредственное отношение вопроса переводов и исправлений богослужебных текстов, в первую очередь, нужно отметить достаточно серьезный обзор крупнейшего историка русской книжной справы и литургической науки Б.И. Сове «Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX-XX веках»⁵. Довольно содержательна специально посвященная данному вопросу статья преподавателя Московской высшей православно-христианской Свято-Филаретовской школы В. Котта «Мы бережем золотник, а теряем пуд. Очерк истории русского богослужебного языка»⁶. Вышеназванные работы, как и некоторые другие, касаются и более раннего периода, описывающего эту проблему. Поэтому именно они представляют собою ключевой аспект при описании предыстории развития рассматриваемой тематики. Развитие же её в XIX и начале XX веков прослеживается по непосредственным источникам, – многочисленным публикациям, рассеянным в периодических изданиях тех лет.

Особый интерес представляют для суждения о богослужебном языке и об исправлении богослужебных книг, содержащиеся в «Отзывах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе», опубликованных впервые в 1906 году⁷. Чрезвычайно важным источником являются, несомненно, и материалы Предсоборного совета и богослужебного отдела Поместного Собора 1917-1918 гг.

Эти документы в значительной части уже опубликованы и прокомментированы в целом ряде работ⁸. Вполне объективно и довольно

⁵ Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX-XX веках // Богословские труды. - 1970. - СПб. №V. - С. 25-68.

⁶ Котт В. «Мы бережем золотник, а теряем пуд». Очерк истории русского богослужебного языка // Православная община. - 2000. - №56 (2). - С. 32-64.

⁷ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. - СПб., 1906. - Ч.1-3.

⁸ См.: Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М., - 2001; Богослужебный язык Русской Церкви: История. Попытки реформации. - М., 1999.; Котт В. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. о церковно-богослужебном языке: Предыстория, документы и комментарии // Язык Церкви: Материалы международной богословской конференции. Москва, 22-24 сентября 1998 г. - М., 2002.; Кравецкий А.Г. Проблема богослужебного языка на Соборе 1917-1918 годов

полно отражена дискуссия о богослужебном языке начала XX века в книге протоиерея Николая Балашова «На пути к литургическому возрождению». Её автор скрупулезно изучил и представил историю развития вопроса с момента его постановки в «Отзывах епархиальных архиереев» (1905г.) вплоть до вынесения соборного постановления по нему и попыток практической реализации этого постановления после Собора 1917-1918 гг.

Наконец в начале 1990-х годов, после того как Церковь получила возможность свободно действовать и открыто обсуждать свои насущные проблемы, вопрос о богослужебном языке, как давно уже настоятельно требующий от Церкви своего практического разрешения, с новой силой зазвучал в церковной среде. Более того, он приобрел ещё и особую, отмеченную Архиерейским Собором 1994 года, миссионерскую важность в связи с обретенной Церковью возможностью свободного свидетельства о Христе современному российскому обществу, безвозвратно утратившему культурное преемство от дореволюционной России. Теперь этот вопрос активно дискутируется, ему посвящаются даже целые конференции, а в церковной печати можно встретить множество публикаций на эту тему.

Объектом исследования выступает язык богослужения и богослужебных текстов Православной российской церкви.

Предмет исследования составляет практика перевода литургических и библейских текстов на русский язык в XIX-XX вв.

Целью данного исследования является рассмотрение дискуссии о литургическом языке в Российской церкви на рубеже XIX-XX веков.

Исходя из поставленной цели, в работе были сформулированы следующие **задачи**:

- охарактеризовать деятельность по переводу богослужебных и библейских текстов в XIX в.;

- рассмотреть перевод библейского текста на русский язык в контексте дискуссии о богослужебном языке;
- выявить основной круг вопросов о богослужебном языке в Предсоборный период;
- проанализировать дискуссию и постановления Поместного Собора 1917-1918 гг. о языке богослужения.

Научная новизна исследования представляет собою систематизацию материала по данному вопросу, которая позволяет, отталкиваясь от дискуссии XIX-XX веков, найти разрешения этой проблемы на современном этапе обсуждения данного вопроса.

Методология исследования была обусловлена целью и задачами диссертации, а также особенностями исследуемого материала. В её основу был положен принцип аналитического исследования источников и литературы, проясняющий их логику и содержание, а также контекстуальный анализ, позволивший объективно оценить ход дискуссии о богослужебном языке и основные решения поместного Собора 1917-1918 гг. по данному вопросу.

Теоретическая значимость исследования обуславливается как тематикой, так и кругом проблем, рассматриваемых в работе. Положения и выводы диссертации могут послужить для дальнейших исследований, связанных с вопросом богослужебного языка и литургических текстов XX века, а также рассмотрения нынешней фазы по данному вопросу через призму постановлений Поместного Собора 1917-1918 гг.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов диссертационной работы в преподавании курсов: «История РПЦ», «Литургическое богословие», «Новейшая история христианства», а также дисциплин церковно-исторического и культурологического плана.

Апробация исследования. Основные положения диссертационного исследования были апробированы на международных и всероссийских

конференциях: Международная научно-практическая конференция «Евангелие в контексте современной культуры», посвященной 1000-летию преставления святого равноапостольного князя Владимира, г. Белгород; Международная научно-практическая конференция «Наука и образование в жизни современного общества», г. Тамбов; Международная научно-практическая конференция «Социальная работа в современной России: взаимодействие науки, образования и практики» и др.

Также по теме исследования были подготовлены научные публикации, в которых отражены основные вехи данной работы.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из: введения, двух глав по два параграфа, заключения, списка источников и литературы.

ГЛАВА I. БОГОСЛУЖЕБНЫЙ ЯЗЫК И ПЕРЕВОД ЛИТУРГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В XIX ВЕКЕ

1.1. Традиция русских богослужебных и библейских переводов в XIX веке

Традиция книжной sprawy в России после патриаршества Никона надолго приостановилась в своем развитии с конца XVII века. Однако не исключено, что в прямой связи с этим в этот же период (в конце XVIII и особенно в XIX вв.) получила более интенсивное развитие традиция русских переводов текстов Священного Писания и богослужения, к рассмотрению которой необходимо обратиться.

В Высочайшем повелении от 1816 года князю Голицыну было указано: «... доставить и россиянам способ читать Слово Божие на природном своем российском языке, яко вразумительнейшем для них славянского наречия...»⁹. Цель перевода Библии на русский язык, как было указано в том же повелении, состоит в том, что он «снимает печать невразумительного наречия, заграждавшую донныне от многих из россиян Евангелие Иисусово»¹⁰. Даже тогдашние противники новых веяний уже отмечали непонимание церковнославянского языка большинством их современников. Так, митрополит Серафим (Глаголевский) соглашался с тем, что «малые дети» не знакомы «вовсе со славянским языком»¹¹. И если представители высших кругов общества выходили из положения (император читал Новый Завет во французском переводе, а Сперанский советовал своей дочери в трудных случаях обращаться к английскому переводу)¹², то простому и необразованному народу деваться было некуда – непонимание им

⁹ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Вильнюс. 1991. - С. 154.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. - С. 164.

¹² Тихомиров Б.А. Начало истории русского перевода Библии и Российское библейское общество. Режим доступа: <http://www.litsoch.ru>

церковнославянского языка Библии и православного богослужения остро ощущалось уже тогда.

На это непонимание указывают, например, письма прославленного алтайского миссионера, человека, имеющего непосредственное отношение к опытам перевода Библии на русский язык и немало за это пострадавшего, преподобного Макария (Глухарева). В своём письме из Бийска от 8 июня 1836 года обер-прокурору Святейшего Синода Нечаеву с просьбой доложить государю преподобный Макарий писал: «Не поставляет ли препятствия для миллионов между россиянами к Божественному врачевству буква славянская. Не надлежит ли нам быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа?.. Славянское наречие сделалось у нас не только мертвым, но и для большей части народа невразумительным»¹³. Своим обращением преподобный Макарий пытался побудить членов Синода к возможности перевода библейских и богослужебных текстов на соответствующий литературный русский язык, в силу непонимания многими мирянами церковнославянского.

В последствии, около 1837 г. преподобный писал в своем прошении Государю: «Ныне славянский язык сделался у нас мертвым; на нём никто не говорит у нас и не пишет; число людей, разумеющих его в Св. Писании, мало перед миллионами неразумющих, среди которых большое количество служителей Церкви»¹⁴. Здесь уже преподобный Макарий прямо указывает на непонимание церковнославянского языка многими из числа священнослужителей, не говоря уже о простых людях.

Вместе с тем, ещё до трудов в этой области свт. Филарета, с самого начала XIX века продолжала развиваться традиция русских (и стихотворных в том числе) переводов и переложений тех литургических текстов, которые народ любил более всего. Если, например, во второй половине XVIII века

¹³ Борисов А., свящ. Побелевшие нивы. Размышления о Русской Православной Церкви. М. 1994. – С. 126-127.

¹⁴ Борисов А., свящ. Побелевшие нивы. Размышления о Русской Православной Церкви. М. 1994. – С. 127.

прот. Петр Алексеев делал стихотворные переводы ирмосов и степени некоторых двенадцатых праздников, то в начале XIX века «слепой священник Констатино-Еленинской церкви при градских богадельнях в Санкт-Петербурге Гавриил Пакатский (или Пакостский), близкий к Державину,... перевел стихами всю Псалтырь», а «через десять лет после этого опубликовал в 1829 г. первую богослужебную книгу на русском языке - Великий покаянный канон св. Андрея Критского в стихотворном переводе (все же за неполный век были изданы, обычно на русском, иногда на "новом" славянском языке, кажется, не менее, чем 15-20 переводов канона)»¹⁵.

Традиционно считается, что инициатива систематического перевода богослужебных текстов на русский язык в XIX веке принадлежит архиепископу Херсонскому Иннокентию (Борисову), считавшему, что неудобовразумительность наших молитвенных текстов «происходит не от самого предмета, а от образа его изложения, т.е. от неточности и устарелости славянского перевода»¹⁶. «Надо сказать, что вторая половина 1820-х годов, когда святитель начинал свое служение, была очень неблагоприятна для переводческой деятельности: именно тогда состоялся известный погром дела церковных переводов (святитель Иннокентий считал его делом "клеветников на это истинно христианское учреждение ... следствием не убеждения, хотя бы и ошибочного, а личностей и интриги"). И тем не менее, в конце 1820-х годов он, в то время архимандрит, инспектор Санкт-Петербургской духовной академии, зная отрицательное отношение властей к церковно-переводческой деятельности, вдохновил преподавателей греческого языка Михаила Богословского и Иоанна Колоколова начать переводы.

В 1830-е годы была опубликована их значительная часть, причем

¹⁵ Котт В. «Мы бережем золотник, а теряем пуд». Очерк истории русского богослужебного языка // Православная община. - 2000. - №56(2). - С. 42.

¹⁶ Постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Патриаршего Синода о принятии в общение со Св. Церковью и о допущении русского языка в церковном богослужении от 10 апреля 1930 г. за №69 // Журнал Московской Патриархии. - 1931. - №82. - С.2.

начинали с перевода наиболее неудобопонимаемого - канонов праздничных служб (именно каноны переводил и преп. Паисий за полвека до этого).

Чтобы нагляднее представить плоды работы этих двух переводчиков, укажем сделанные ими переводы, опубликованные за 10 лет, с 1831 по 1841гг., в «Христианском чтении»¹⁷.

Бакалавр греческого языка Михаил Измайлович Богословский, будущий протопресвитер Успенского Собора в Кремле и член Московской синодальной конторы, опубликовал в 1831 году русские переводы праздничных канонов прп. Косьмы Маюмского на Воздвижение, рождество Христово, Успение и каноны прп. Иоанна Дамаскина на Рождество и на Пятидесятницу; в этом же году в «Христианском чтении» появился перевод канона прп. Иоанна Дамаскина на св. Пасху, выполненный бакалавром греческого языка и патристики, впоследствии настоятелем Исаакиевского Собора в Санкт-Петербурге, Иоанном Дмитриевичем Колоколовым.

В 1832 году в том же журнале были напечатаны переводы М.И. Богословского канонов Косьмы Маюмского и прп. Иоанна Дамаскина на Богоявление; 1833 - его же перевод канона Феофана, митр. Никейскаго, на Благовещёние; в 1834 - канона прп. Косьмы Маюмского в неделю Цветоносия, в 1835 - его же канона в Великий Четверг; в 1836 - трипеснецв утрени Великого Пятка, Великой Субботы и, кроме того, канона прп. Иоанна Дамаскина на Успение и Великого канона св. Андрея Критского. Наконец, в 1837 году на страницах «Христианского чтения» вышли переводы Богословского канона св. Косьмы Маюмского на Сретение и антифонов-степенн всех восьми гласов.

В 1841 г. И.Д. Колоколов опубликовал перевод канона на Преображение прп. Иоанна Дамаскина.

Таким образом «труды свт. Иннокентия и его учеников положили начало русской академической традиции перевода литургических текстов на

¹⁷ См.: Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX-XX веках // Богословские труды. - 1970. - СПб. - V. - С. 35.

русский язык». «Можно сказать, что с этого времени литургические переводы становятся общецерковным делом - сотни переводчиков вносят свой вклад в нашу традицию...»¹⁸.

Проиллюстрируем это утверждение ещё несколькими примерами. В самом конце 1840-х годов священник Смольянинов делал стихотворные переложения богослужебных канонов¹⁹. В 1855 году в «Прибавлениях к Творениям святых отцов» был напечатан русский перевод свт. Филарета Московского акафиста Божьей Матери. Вот слова самого святителя из предисловия к этому переводу: «Некоторые церковные песнопения, превосходные глубиною и полнотою духовного разума, заключенного в кратких изречениях, по сему самому не для всех удобовразумительны, а также и по древности языка. Посему деланы уже были опыты переложения таковых песнопений на русское наречие... Некоторые изъявляли желание иметь русское переложение акафиста Пресвятой Богородице, как пособие для удобнейшего разумения оного. Такое переложение здесь предлагается»²⁰.

В том же 1855 году увидело свет первое издание «Богослужебных канонов на греческом, славянском и русском языках в 3-х книгах» профессора греческого языка Петербургской духовной академии Евграфа Ловягина. Выход в свет этого труда заслуживает того, чтобы остановиться на нем несколько подробнее.

Необходимо отметить, что издание этой книги было связано с определенным рода затруднениями и препятствиями. Оно стало возможным исключительно при поддержке и на средства митрополита Петербургского Никанора (Клементьевского). Вот что писал митрополит Никанор святителю Филарету Московскому, посылая последнему переводы Ловягина и защищая дело переводчика: «Многие из просвещённых ревнителей и любителей

¹⁸ Котт В. «Мы бережем золотник, а теряем пуд». Очерк истории русского богослужебного языка // Православная община. 2000. №56 (2). С.42, 43.

¹⁹ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 37.

²⁰ Прибавления к Творениям святых отцов. - 1855. - 4.XIV. - С. 139.

церковных песнопений нередко изъявляли сожаление, что весьма многие не могут понимать в наших богослужебных книгах по древности славянского языка и получать удовлетворительное изъяснение на неудобовразумительные места от своих священников, даже обучавшихся в академиях»²¹. Сопутствующие изданию труда Ловягина вышеупомянутые трудности были связаны с крайне - консервативным отношением высшей церковной власти к делу переводов богослужебных текстов на русский язык. Заметим, что до этого русские переводы богослужебных текстов почти не выходили отдельными изданиями. Б.И. Сове описывает эту ситуацию следующим образом: «Это издание было делом необычным, смелым в ту эпоху. Богослужебные книги были связаны, прикреплены к славянскому языку». Дело доходило даже до того, что «в 1843 году Синод не разрешил напечатать службы преп. Арсению Каневскому гражданскими буквами, "так как все службы святым угодникам печатались и печатаются церковными буквами". В 1845 году с трудом был найден для императрицы экземпляр ("последний") литургии напечатанный русскими буквами. Последовательно Петербургский Духовно-цензурный комитет в 1851 году запретил "Переложение канонов в стихи" свящ. Смольянинова»²². В общем, все строго в духе адмирала Шишкова и обер-прокурора Протасова. Неудивительно, что и Петербургского митрополита Никанора, благодаря которому был напечатан труд Е. Ловягина, многие сторонники славянского языка обвиняли в новаторстве.

Реальность, однако, была очевидна - экземпляры первого издания богослужебных канонов на греческом, славянском и русском языках быстро разошлись, показав крайнюю потребность в подобного рода книгах и интерес к ним духовенства и ревнителей - мирян. Потребовались ещё издание 2-е в 1861 г. и издание 3-е в 1875г. Кроме того, были напечатаны отдельно славянский и русский переводы в 1861 г. и один русский текст в том же году.

²¹ Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX-XX веках // Богословские труды. - 1970. - СПб. - V. - С.36-37.

²² Там же.

«Крайняя потребность в подобного рода книгах», как и в издании русской Библии, ощущалась в середине XIX века, вероятно, подавляющим большинством здравомыслящих иерархов, пастырей, церковных ученых и просто вдумчивых мирян. Не случайно ведь в конце XIX и начале XX вв. русское духовенство указывало на невнятность богослужения, проистекающую из непонятности богослужебного языка, как на одну из главных причин ухода людей в секты или в неверие. Элементарная неграмотность простого народа и к тому же довольно распространенное религиозное невежество как причины этого печального явления были, конечно, очевидны. Но было бы заведомо неправильным ограничиться указанием лишь на эту сторону проблемы.

О непонимании языка православного богослужения и образованными классами и самим духовенством, да и о действительно серьезных изъянах и «неудобовразумительности» церковнославянского языка с самого начала XIX в. было сказано и написано довольно много. И мы уже привели ряд примеров тому. Но если в первой половине XIX в. в силу «охранительно-консервативного» «церковно-политического курса» (по выражению Б.И. Сове) частные опыты переводов Священных и богослужебных текстов на русский язык и их распространение могли встречать иногда довольно активное противодействие со стороны властей и потому были сопряжены с определенной долей риска, то с 60-х годов XIX века, и особенно после появления русской Библии, о неудовлетворительном состоянии церковнославянского текста богослужебных книг и о необходимости русских переводов заговорили открыто.

«Активная деятельность по переводу Св. Писания на русский язык в 10-20-х годах XIX в. (а затем в 60-70-е годы) немедленно привела к обсуждению проблемы богослужебного языка и к трудам по переводу богослужебных текстов на русский язык»²³. Именно в 60-е годы получает

²³ Котт В. «Мы бережем золотник, а теряем пуд». Очерк истории русского богослужебного языка // Православная община. - 2000. - №56 (2). - С. 41-42.

ещё большее развитие традиция русских переводов служб важнейших праздников. Так, например, в «Душеполезном чтении» за 1861 г. были опубликованы переводы вышеназванного московского протоиерея Василия Нечаева (впоследствии Костромского архиепископа Виссариона) службы в неделю Ваий и некоторых текстов службы Благовещению. Множество подобных переводов публиковалось в это же время в столичных и провинциальных церковных журналах и отдельными изданиями священниками, ректорами семинарий, гражданскими учителями и т.д.

«Например, в Туле преподаватели семинарии переводили службы двенадцатых праздников и публиковали их в местном епархиальном органе. Ректор семинарии архимандрит Андрей вместе с литургической статьей "Праздник Сретения Господня" дал перевод службы с греческой минеи венецианского издания 1843 г. с Ловягинским русским переводом канона.

Профессор словесности, священник тульской Спасо-Преображенской церкви Михаил Васильевич Покровский перевел службы недели Ваий, на Вознесение, кроме канона, на Пятидесятницу, Рождество Богородицы и Воздвижение.

Учителю гражданской истории И.И. Сахарову принадлежит перевод служб на Введение и Рождество Христово. Священник Александр Иванов, профессор богословия и еврейского языка, написал статью о празднике Благовещения с переводом некоторых текстов. Учитель гражданской истории, священник Петропавловской церкви Александр Никольский перевел службу на Благовещение. Переводы служб двенадцатых праздников с греческого на русский язык ректора Подольской семинарии Василия Княженского были напечатаны в «Подольских епархиальных ведомостях». Протоиерей Михаил Боголюбский, настоятель московской Зачатьевской церкви, перевел службы Страстной седмицы (1875г.) и Великого поста, а также тропари и кондаки Романа Сладкопевца²⁴.

²⁴ Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX-XX веках // Богословские труды. - 1970. - СПб. - V. - С. 47.

В 1878 г. Евграф Ловягин «вместе с коллегами по академии - специалистом по латинскому языку Н.И. Глориантовым и специалистом по христианскому Востоку И.Е. Троицким - публикует пятитомное "Собрание древних литургий, восточных и западных, в переводе на русский язык", включающее и все ныне используемые в Православной Церкви литургии (святителей Иоанна Златоуста и Василия Великого, Преждеосвященных Даров, апостола Иакова)»²⁵.

Ещё через десять лет, в 1888 г., уже другой Ловягин, - Иван Феодорович, преподаватель Тобольской духовной семинарии, выпустил ещё одну из немногих, увидевших свет в XIX веке, богослужебных книг на русском языке - Октоих. Полное ее название «Воскресная служба Октоиха всех восьми гласов или напевов на славянском и русском языках, заключающая в себе песнопения малой вечерни, великой вечерни, полуночницы, утрени и литургии». Этот труд, вероятно, тоже был востребован и довольно популярен среди ревнителей литургического благочестия, во всяком случае он выдержал несколько изданий, будучи переизданным последний раз в 1910г.

Из известных святителей XIX века, уделявших немалое внимание интересующей нас теме, кроме, разумеется, такого светила как Филарет Московский, необходимо назвать архиепископа Черниговского Филарета (Гумилевского), который много сделал для укрепления и защиты церковно-переводческой деятельности. «Он и сам переводил на русский язык богослужебные тексты, которые помещал в своих многочисленных книгах (см., например, его "Исторический обзор песнопевцев и песнопений греческой церкви") и статьях, в том числе и в основанном им в бытность ректором Московской духовной академии журнале "Творения святых отцов в русском переводе"»²⁶.

²⁵ Котт В. «Мы бережем золотник, а теряем пуд». Очерк истории русского богослужебного языка // Православная община. - 2000. - №56 (2). - С. 43.

²⁶ Котт В. «Мы бережем золотник, а теряем пуд». Очерк истории русского богослужебного языка // Православная община. - 2000. - №56 (2). - С. 43-44.

Для опытнейшего миссионера, пастыря и переводчика, каким являлся святитель Московский Иннокентий (Вениаминов), преемник святителя Филарета (Дроздова) на Московской кафедре, было ясно, что и в России имеется такая же нужда в проповеди веры и в богослужении на родном понятном языке, как и на Аляске. В 1869 году, святитель Иннокентий, «побуждаемый видением неотложных нужд Церкви, учреждает Комитет для исправления текста богослужебных книг "по поводу усмотренных в них грубых опечаток и неудобопонятных речений"»²⁷.

О трудах этого Комитета, как и вообще о возобновленной в конце XIX века справе богослужебных книг будет сказано несколько слов ниже. Что же касается переводческой деятельности, то следует, наконец, сказать особо и о трудах епископа Екатеринославского Августина (Гуляницкого).

Владыка Августин трудился над своими переводами богослужебных текстов в 1880-е годы. От иных переводчиков он отличался тем, что делал свои новые переводы с греческого не на русский, а на славянский язык. О себе этот «наиболее плодовитый среди русских архиереев переводчик богослужебных текстов писал: «Будучи с молодых лет хорошо ознакомлен с церковными книгами, автор настоящей заметки давно уже начал скорбеть и теперь глубоко скорбит сердцем, когда ему приходится слышать или же и самому читать в церкви такие выражения, в которых никак нельзя открыть не только логического, но и часто и простого грамматического смысла. Не говорю о псалмах, не говорю о паремиях: чтобы тут все было ясно и для слушателя понятно, для этого нужно слишком многое, чего, быть может, ещё и не в силах сделать наше церковное правительство - я имею в виду неясные, неточные, безграмотные выражения в наших молитвах, канонах и стихирах разных наименований. Кто, например, сразу откроет подлинный смысл в пресловутой песне: "Любити убо нам, яко безбедное страхом" или в этом загадочном: "Брашен львов, сотранных членовными... имже к нам наслаждается дарований" (ирм. 3-ей песни канона на Богоявление)? Кто

²⁷ Там же.

сразу поймет, что значит "восшедша слова от Слова научившеся", или: "Сушу глубородительную землю солнце нашествова иногда"? Кто может читать легко и с полным пониманием второй канон на Рождество Христово, на Богоявление, на Пятидесятницу?»²⁸. Данные примеры, приведенные еп. Августином, свидетельствуют о сложности восприятия, а зачастую невозможности такового многих мест из молитвословия и богослужения.

Новые славянские переводы богослужебных канонов еп. Августина печатались в журнале «Душеполезное чтение». В 1882 г. вышли: перевод Великого канона, канона на Пятидесятницу, на Преображение, на Успение, на Рождество Христово, Рождество Богородицы и Воздвижение Креста. В 1883 – переводы канонов на Богоявление, Сретение, Благовещёние, неделю Ваий, Страстную седмицу и Пасху. Наконец, в 1884 г. появился канон на Вознесение.

В своей переводческой деятельности еп. Августин руководствовался некоторыми принципами, следовать которым он предлагал будущим справщикам и переводчикам богослужебных книг²⁹. «Если бы все намеченные нами исправления и улучшения сделаны были тщательно и умело, - писал владыка, - тогда язык славянский перестал бы казаться таким трудным и неудободоступным, каким он теперь представляется многим»³⁰. О возможности замены некоторых устаревших и непонятных славянских слов соответствующими русскими и о противниках такой «русификации», бывших и в те времена, епископ Августин писал так: «Знаем, что есть и всегда могут найтись неумеренные ревнители чистоты церковного языка, которые возопиют против введения в богослужебные книги новых русских слов, но таким ревнителям внимать не нужно: они ревнуют не о чистоте, а о темноте церковного языка, быть может, конечно, сами того не сознавая и не

²⁸ Астафьев И.А. Опыт истории Библии в России в связи с просвещением и нравами. – СПб., 1892. – С. 45-46.

²⁹ Пономарев П., свящ. О церковно-богослужебном языке // Самарские епархиальные ведомости. – 1912. – №23. – С. 42-43.

³⁰ Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX-XX веках // Богословские труды. - 1970. - СПб. - V. - С. 40.

желая. Если мы допускаем в своем богослужебном языке даже чисто иностранные слова, то не странно ли, в самом деле, что мы боимся ввести в него вновь какое-либо родное слово?... Что же, разве во всех этих новых русских словах заключается что-либо оскорбительное для религиозного или нравственного чувства верующих? И на каком разумном основании стал бы кто-нибудь противиться употреблению этих слов в церковном языке?!»³¹.

Предложенные еп. Августином принципы исправления текстов богослужебных книг Б.И. Сове называет в своей работе «абсолютно бесспорными» и рекомендует «изучить и будущим справщикам, так как проблема исправления богослужебных книг является до сего дня актуальной»³².

Необходимо сказать, что переводы еп. Августина одобрял его прославленный современник, святитель Феофан Затворник, сам многие годы переводивший с греческого святоотческую литературу (напр. «Доротолюбие») и не понаслышке знавший о неудобовразумительности богослужебного языка. Именно в связи с появлением в «Душеполезном чтении» перевода канонов еп. Августина (Гуляницкого) свт. Феофан в своем письме к полковнику Первухину от 1 октября 1884 г. писал: «Что же касается до лучшего перевода богослужебных книг, то об этом я так думаю: наши богослужебные книги - неоцененное сокровище молитвы, догматствования православного и нравоучения. Потому их надлежит блюсти и соблюдать в том же духе, как есть. Но перевод их следует улучшить - или снова перевести, не на русский, а на славянский же, только чтобы изложение было понятно. В этом роде перевод уже начат в "Душеполезном чтении"... Чтобы из-за этого вышло что раскольническое, нечего бояться»³³.

В другом своем письме свт. Феофан продолжал: «Опыты перевода уже

³¹ Певницкий В.Ф. О церковно-богослужебном языке // Прибавления к Церковным ведомостям. - 1908. - №27. - С. 1268-1273.

³² Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX-XX веках // Богословские труды. - 1970. - СПб. - V. - С. 39.

³³ Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX-XX веках // Богословские труды. - 1970. - СПб. - V. - С. 30.

деланы были. В "Душеполезном чтении" несколько служб так переведенных уже напечатано. И благоговейно и понятно. Так пусть и всю книгу какую-либо переведут. Передайте, пожалуйста, эти мысли А.Н. и убедите его... Нет, что убеждать? Умолите - непременно сейчас же начать хлопоты испросить разрешение у Св. Синода устроить перевод и отпечатать его...»³⁴.

Ещё в 1882 году святитель так сокрушался о темноте и трудности для понимания богослужебного текста: «...Ушинский пишет, что в числе побуждений к отпадению в штунду совратившиеся выставляют, между прочим, то, что у нас в церкви ничего не поймешь, что читают и поют. И это не по дурному исполнению, а потому, что само читаемое - темно. Он пишет, что поставлен в тупик, когда ему прочитали какой-то тропарь или стихиру и просили сказать мысль. Ничего не могу сказать: очень темно. Из Питера писали мне две барыни то же об этом: у Пашкова все понятно, у нас - ничего. Ничего - много, а что много непонятного - справедливо. Предержавшей власти следует об этом позаботиться и уяснить богослужебные книги... оставляя, однако, язык славянский... Книги богослужебные по своему назначению должны быть изменяемы. Наши иерархи не скучают от неясности, потому что не слышат... Заставили бы их прочитать службы, хоть бы на Богоявление»³⁵. В этой связи стоит обратить внимание на два примечательных факта: во-первых, свт. Феофан указывает на отсутствие внимания к данной проблеме у большинства архиереев; а во-вторых, непонятность богослужения называет одной из причин распространения сектанства.

Через три месяца свт. Феофан снова возвращается к этой теме в письме тому же адресату: «Богослужебные книги надо вновь перевести, чтобы все было понятно... Кто только станет вчитываться или вслушиваться, непременно кончает вопросом: да что ж это такое?... Архиереи и иереи не все слышат, что читается и поется. Потому не знают, какой мрак в книгах, и это

³⁴ Мнение преосвященного Феофана Затворника о потребности в новом исправлении церковно-богослужебных книг // Душеполезное чтение. - 1896. - №10. - С. 463.

³⁵ Там же.

не по чему другому, как по причине отжившего век перевода»³⁶.

Торжества в память 900-летия Крещёния Руси служили хорошим поводом к новому переводу, по мнению свт. Феофана: «К юбилею приготовить одну какую-нибудь, например, Октоих или Цветник, Минею праздничную или ещё что. Ныне - завтра надо же это сделать. Почему не приурочить этого к такому событию?»³⁷. Напомним, что именно в год празднования 900-летия крещёния Руси вышел русский перевод Октоиха И.Ф. Ловягина. Возможно, этот частный опыт обновления перевода богослужебных текстов остался незнаком свт. Феофану, а может быть, что можно видеть в выше приведенных цитатах, святитель желал видеть именно новый славянский перевод, а не русский.

Так или иначе, в 1889 г. святитель вновь настойчиво возвращается к тому же вопросу, имея в виду опять явно какие-то общецерковные меры: «Для начала определения переводить богослужебные книги достаточно одного напоминания о необходимости сего, потому что все знают и чувствуют сию необходимость. Не достает толчка»³⁸.

Приведем ещё одну характерную цитату из писем свт. Феофана Затворника: «Есть вещь крайне нужная. Разумею, новый упрощенный и уясненный перевод церковных богослужебных книг. Наши богослужебные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская, и все нравоучение христианское, и все утешения, и все устрашения. Внимающий им может обойтись без всяких других учительных христианских книг. А между тем большая часть из сих песнопений - совсем непонятны. А это лишает наши церковные книги плода, который они могли бы производить, и не дает им послужить тем целям, для коих они назначены и имеютя. Вследствие чего новый перевод богослужебных книг неотложно

³⁶ Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX-XX веках // Богословские труды. - 1970. - СПб. - V. - С. 30.

³⁷ Мнение преосвященного Феофана Затворника о потребности в новом исправлении церковно-богослужебных книг // Душеполезное чтение. - 1896. - №10. - С.463.

³⁸ Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX-XX веках // Богословские труды. - 1970. - СПб. - V. - С.31.

необходим. Ныне - завтра, надобно же к нему приступить, если не хотим нести укора за эту неисправность и быть причиною вреда, который от сего происходит. Одна из причин склонивших православных к штунде... есть именно непонятность церковных песнопений»³⁹.

Итак, во второй половине XIX века активизировалось обсуждение проблемы церковнославянского богослужебного языка в русском церковном обществе. Дискуссия в печати о богослужебном языке Русской Церкви началась именно с критики труднодоступного пониманию верующих церковнославянского текста наличных богослужебных книг и была связана, как было уже отмечено, с появлением русской Библии. Так, в 1870 году, обращаясь к своим читателям и сотрудникам, редакция «Православного обозрения» писала: «После Библии важнейшим источником религиозного назидания и просвещения для народа было всегда богослужение церковное. Библию в настоящее время народ наш всю почти может иметь в руках на понятном языке... между тем богослужебные молитвы и песнопения остаются известными народу только на славянском языке, в настоящее время уже недостаточно ясном для многих, и в иных местах не довольно вразумительном и правильном по изложению... Народ, по мере духовного развития, будет чувствовать такую же разумную потребность иметь православные службы церковные в русском переводе, как и самую Библию. Потребность эта в настоящее время уже начинает в значительной мере чувствоваться...»⁴⁰.

Далее указывается на беспрепятственное распространение гимнов и молитв иноверцев на русском языке и приводится пример переводов православных богослужебных книг «на языки различных инородческих племен, живущих в пределах России, и на языки западных христианских народов». Однако редакция делает оговорку: «Мы не говорим о замене

³⁹ Мнение преосвященного Феофана Затворника о потребности в новом исправлении церковно-богослужебных книг // Душеполезное чтение. – 1896. – №10. – С. 463.

⁴⁰ Взгляд на прошедшее и надежды в будущем. От редакции к читателям и сотрудникам // Православное обозрение. - 1870. - Февраль. - С. 201.

славянских богослужебных книг русскими в самом употреблении церковном. Это предмет весьма важный, требующий обсуждения с различных сторон; о нем в настоящее время начинать речь было бы по крайней мере не своевременно. Но в настоящее время об этом предмете и не может быть речи потому уже, что у нас нет готовых богослужебных книг в русском переводе даже и для домашнего употребления. В настоящее время речь должна идти именно о переводах богослужебных книг на русский язык для домашнего употребления, в целях лучшего уразумения церковной службы, совершаемой на славянском языке»⁴¹.

В это же время данный вопрос начинает активно обсуждаться и в церковных собраниях. В том же 1870 году, например, в Обществе любителей духовного просвещения вышеупомянутый нами переводчик гимнографических текстов на русский язык протоиерей М. Боголюбский представил свой доклад «Несколько замечаний о славянском тексте Псалтири», который произвел большое впечатление на собрание. В заседании этого же Общества в 1875 году обсуждалась статья Лукьянова «О невразумительности для народа славянского церковно-богослужебного языка и о мерах к устранению оной»⁴².

О степени же «невразумительности славянского богослужебного языка» уже в то время можно судить по пространной статье И. Павловского, - знатока быта русского духовенства, выпускника Полтавской Духовной Семинарии, - размещённой в нескольких номерах столичного «Церковно-общественного вестника» за 1879 год⁴³.

В данном исследовании имеет смысл более подробно рассмотреть эту статью, так как автор ее, вполне объективно отразил характерную для той

⁴¹ Взгляд на прошедшее и надежды в будущем. От редакции к читателям и сотрудникам // Православное обозрение. – 1870. – Февраль. – С. 202.

⁴² Цит. по: Костромин А.Б. Единство Церкви и проблема перевода богослужебных текстов // Единство Церкви: Богословская конференция 15-16 ноября 1994 г. – М., 1996. – С. 185-189.

⁴³ Павловский И.О церковнославянском языке: Настоящее его положение; потребности, вызываемые этим положением // Церковно-общественный вестник. - 1879. - № 78. - С. 5-6.

эпохи озабоченность церковного общества состоянием языка богослужебных текстов и неудовлетворительным его пониманием современниками.

«Церковнославянский язык, как наука и как добытое практикой толковое разумение текста библейских и богослужебных книг, не пользуется на Руси вполне удовлетворительным состоянием»⁴⁴ - пишет автор этой статьи. «Дети духовенства, экзаменующиеся для поступления в низшие духовные училища... читают по-русски и по-славянски очень нетвердо и понимают читаемое крайне неудовлетворительно... Семинарские воспитанники едва плетутся по церковной книге... Отсутствие разумения церковной грамоты в учебных заведениях сказывается впоследствии в богослужебной практике священнослужителей, служащих при столичных даже храмах.. .Что сказать о таких священниках, которые затрудняются переложить по-русски простую и в то же время вполне правильную славянскую речь, не говоря уже о том, что к неисправным местам славянского богослужебного текста для них подходить - значит вязнуть в пучине недоразумений...»⁴⁵.

Далее Павловский цитирует известного в то время духовного публициста И.С. Беллюстина: «никакой миссионер, при существующем положении пастырской среды, не научит, если бы и хотел, то не сможет научить пониманию богослужебного языка. А что не научит, то, как бы ни ораторствовало против этого изолгавшееся фарисейство, в правде этого нет возможности сомневаться... Один из тех ревнителей благочестия, в искренности и разумении дела которых сомневаться невозможно, провел несколько лет в самых близких и непосредственных сношениях с монашествующими саровской пустыни и пришел к тому убеждению, что наибольшее большинство из них положительно не разумеют не только смысла, но и языка церковных песнопений, даже псалмов, непрестанно повторяемых за всеми богослужениями... Дело совсем, казалось бы,

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

невероятное, чтобы не разумели церковных песнопений те, с языка которых... не сходят они, а между тем буквально верное»⁴⁶.

Говоря о понимании славянского языка духовенством Павловский пишет: «Ежели церковное языковедение не может похвалиться удовлетворительностью в среде клира, самая профессия которого ставит ему обязанность владеть славянским языком как живым, разговорным,- продолжает Павловский, - то само собой явствует, что положение церковного языка в обществе вообще, в среде светских людей и в так называемой непросвещённой массе, ещё менее состоятельно, чем между духовенством. Наш простой народ мало, поразительно мало понимает в богослужбном языке...»⁴⁷.

Кажется, вполне достаточно процитированного, чтобы составить представление о том, насколько остро стояла в XIX веке проблема труднодоступности церковнославянского языка для понимания представителями практически всех слоев населения, всех сословий. И эта проблема, стала ясно осознаваться Церковью в лице её иерархов, заботливых пастырей и усердных ревнителей - мирян. В заключение своих неутешительных наблюдений Павловский задается вопросом: «При недостаточном знакомстве православных русских людей со своим богослужбным языком общественное богослужение выполняет ли свое назначение, как нравственный воспитатель, как назидательно влияющий фактор?» И сам же отвечает: «Едва ли полное назидание достижимо там, где большая часть слов скользит мимо слуха большинства, в виде безраздельных звуков, где даже при внятно-вразумительном чтении попадаетея немало слов и выражений, недоступных разумению»⁴⁸.

Вместе с тем Павловский выделяет четыре основные причины,

⁴⁶ Павловский И.О церковнославянском языке: Настоящее его положение; потребности, вызываемые этим положением // Церковно-общественный вестник. - 1879. - №81. - С. 2-3.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Павловский И.О церковнославянском языке: Настоящее его положение; потребности, вызываемые этим положением // Церковно-общественный вестник. - 1879. - №81. - С. 2-3.

приведших к такому положению дел в вопросе о богослужебном языке:

1. В первую очередь он называет «недостаточное изучение славянского языка», т.е. неудовлетворительное как изучение, так и преподавание его практически во всех учебных заведениях России. «В духовно-учебных заведениях... язык этот или отсутствует вовсе, или изучение его ограничивается узко-элементарными грамматическими сведениями... В духовных училищах славянскому языку уделяется сравнительно незначительное время, так что воспитанники не особенно близко знакомятся с этим учебным предметом... В духовных семинариях славянский язык не изучается вовсе, не входя в круг преподаваемых там наук... Малоразвитость славянского языковедения сказывается слишком живо и отрицательно в служебной практике нашего духовенства и монашествующего и белого... В низших и средних светских учебных заведениях изучение славянского языка не доводит до понимания смысла каждодневных домашних молитв. Студенты университетские, позволявшие себе ратовать против чтения славянских книг в школах, конечно, мало сами смыслили по-славянски... Церковное языкознание, мало развитое в мужском образованном классе, находится ещё в большем загоне в среде культурных женщин... Народная школа пока не особенно много дает сведений в церковном языке молодому крестьянскому поколению»⁴⁹.

2. В отношении «простого народа» публицист справедливо указывает на то, что здесь бедственное явление непонимания церковнославянского языка стоит в связи с общею религиозною косностью, которая является уделом массы неграмотного люда. В простонародье перевираются ужасным образом самые общеупотребительные церковнославянские молитвы, самые простые слова их видоизменяются в нечто неподобное, крайне уродливое.

3. Ещё одну причину неразумения церковнославянского языка, теперь уже так называемым «образованным классом», в котором даже и Библия-то «читается редко и лениво», среди представителей которого «много и вовсе не

⁴⁹ Там же.

знакомых с книгами Св. Писания», автор статьи усматривает в том, что в этой среде «в настоящее время уразуметь церковный язык считается делом несвоевременным и излишним», т.е. в расцерковлении интеллигенции конца XIX века.

4. Но главная, наконец, причина кроется в другом. «Можно бы полагать, - пишет Павловский, - что здесь исключительно влияет безучастное отношение общества к изучению богослужебного языка. Но не в том краеугольная причина прискорбного явления. Глубже она кроется. Самый язык богослужебных книг, — свидетельствует нам из XIX века автор, - представляет немало таких своеобразных особенностей, для уразумения которых далеко ещё недостаточно быть специалистом славянского языка, недостаточно знать самым точным и основательным образом все Св. Писание и особенно ветхозаветные книги. В богослужебных книгах находится весьма много таких мест, которые никак и никому не понять без сличения с подлинным текстом... Открывается, что во многих и многих местах богослужебных книг находятся нежелательные лексические явления, - темнота, прикровенность смысла, а инде и совершенная непостижимость его... Невыполнение общественным богослужением своей задачи во всей ее целостности зависит главною своею стороною от неудобовразумительного изложения богослужебных книг...»⁵⁰.

В качестве выхода из положения И. Павловский естественно называет, уже неоднократно до него предлагаемое исправление текста богослужебных книг: «В виду восстановления значения общественного богослужения, является делом неотложной важности исправление богослужебных книг, замена в них всего неясного и неправильного удобопонятным и верным. Потребность исправления текста славянской Библии и богослужебных книг была заявлена неоднократно наряду с желанием иметь богослужебные книги

⁵⁰ Павловский И.О церковнославянском языке: Настоящее его положение; потребности, вызываемые этим положением // Церковно-общественный вестник. - 1879. - №81. - С. 2-3.

в русском переводе»⁵¹.

Снова встречаемся мы здесь и с уже знакомой оговоркой: «богослужбный язык должен остаться славянским же; он получил у нас значение языка священного и в известном отношении незаменимого».

Повторяет автор и упрек в нерадении об исправности богослужбных текстов, как причине отпадения православных в рационалистические секты: «не без основания находят, что пока теперешние неисправности богослужбных книг будут оставаться в неприкосновенности, до тех пор темные массы будут тяготеть к сумбурным, но легко доступным для их понимания сектантским песнопениям. Можно думать, что неуспех противораскольничьей миссии обуславливается между прочим плохим знанием со стороны священников-миссионеров библейского и богослужбного текста, а это обстоятельство в свою очередь зависит от невразумительности языка сказанного текста.

Особенно интересно и достойно внимания мнение автора статьи о том, что для решения описанной проблемы совсем недостаточно русских переводов богослужбных текстов, издаваемых для частного, домашнего употребления: «Остановливаясь на появляющихся... переводах на русский язык частей общественного и частного богослужения... нужно заметить, что эти труды не могут заменять собой желаемой выправки славянского богослужбного текста. Знакомство с переводами не ведет к разумению славянского текста, при существующей в последнем лексической сумятице... Прочитав, например, известный канон по книге проф. Ловягина два-три раза и слушая в тот же день тот же канон, читаемый в церкви, вы все-таки мало что поймете из последнего чтения. В русском переводе Псалтирь имеется уже более полувека... и что же? - далеко ли подвинулось вперед понимание этой книги? Что происходит в храмах, когда там производится чтение кафизм? Некоторая часть присутствующих вовсе удаляется на то время из

⁵¹ Павловский И.О церковнославянском языке: Настоящее его положение; потребности, вызываемые этим положением // Церковно-общественный вестник. - 1879. - №81. - С. 2-3.

церкви, большинство же, особенно простонародье, молится в разбивку, разными молитвами, какие кто понимает. - Ведется речь к тому, что пособить обществу в деле разумения богослужебного языка могут не русские переводы церковных книг, назначаемые для домашнего религиозного обихода, а только исправление существующего текста церковных книг»⁵².

В общем-то, взгляды автора этой обстоятельной статьи на проблему богослужебного языка как актуальнейшую для своего времени необходимо признать типичными для всего XIX века. А как раз во второй половине его (в 70-80-е годы) в общецерковном сознании уже созрела и утвердилась мысль о необходимости вынесения этой проблемы на соборное обсуждение: «На всероссийском соборе архипастырей и учителей церковных лежит обязанность обновить и оживить язык Божия Слова и богослужения церковного с неприкосновенным сохранением от веков присущего ему священнолепного величия и силы, но обновить и оживить до такой степени, чтобы он мог стать живым (хотя и не разговорным) языком всего церковного русского народа» (напечатано в издававшейся И.С. Аксаковым газете Русь, 1882г.)⁵³.

Как один из возможных способов разрешения проблемы и противодействия сектантству тогда же предлагалось «средство, быть может, по мнению некоторых, слишком радикальное, но которое, тем не менее, было бы не бесполезно испробовать на опыте» - совершение богослужения на русском языке⁵⁴. Анонимный автор статьи «Богослужение на русском языке, как средство противодействия сектантству» в издаваемом при СПбДА «Церковном вестнике» — за 1887 г. писал: «никто не будет оспаривать малодоступности церковнославянского языка для понимания даже несколько образованной части нашего общества, не говоря уже о простом народе,

⁵² Павловский И.О церковнославянском языке: Настоящее его положение; потребности, вызываемые этим положением // Церковно-общественный вестник. - 1879. - №78. - С. 5-6.

⁵³ См. Аксаков И.С. Сочинения: В 7 т. Т. 4 : Общественные вопросы по церковным делам. - М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. – С. 47.

⁵⁴ Богослужение на русском языке, как средство противодействия сектантству//Церковный вестник. 1887.№48.С. 834.

относительно которого можно сказать, что до какого бы совершенства мы ни довели церковноприходские школы, никогда мы не в состоянии будем ознакомить простой народ с церковнославянским языком настолько, чтобы в богослужении не оставалось ничего для него непонятного... Наш святой долг, поэтому, сделать все для того, чтобы свет православия сиял во всей силе своего неземного величия. У нас переведено Св. Писание, богослужебные каноны и некоторые молитвы на русский язык. Теперь время идти далее и перевести на живой язык все богослужение»⁵⁵. Вводить богослужение на русском языке, как предлагал автор, «отнюдь не следует..."по указу" и повсеместно. Нет, несравненно будет целесообразнее только по местам, в виде опыта, позволить отправлять богослужение на русском языке. Ни для кого не должно быть обязательным присутствовать именно при этом богослужении. Кому не желательно, кого смущает совесть, тот пусть идет в церковь, где богослужение отправляется на славянском языке. Но найдутся, без сомнения, и такие, которые без смущения пойдут к русской службе»⁵⁶.

Однако, разумеется, явились и несогласные с высказанным предложением. В 1888 году в том же «Церковном вестнике» была помещена краткая заметка протоиерея Григория Покровского «Православное богослужение на русском языке желательно ли?»⁵⁷. Отец протоиерей считал, что и русский литературный язык «для простонародья едва ли менее затруднителен, чем церковнославянский; даже большая часть нашей интеллигенции не только низшего, но среднего и высшего образования не обойдется без комментариев в большей части случаев», и что в случае введения русского языка в богослужение «этому новому языку неминуемо пришлось бы заново учить громадное число богомольцев, и при этом бороться с трудностями едва ли везде и всегда одолимыми до такой степени,

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Покровский Г., прот. Православное богослужение на русском языке желательно ли? //Церковный вестник. 1888. №4.С.76-77.

чтобы все разумно могли участвовать в совершаемых на нем службах»⁵⁸. К тому же о. Покровский высказал опасения относительно возможного раскола в связи с введением в богослужение русского языка. В свою очередь он предложил «обновление богослужебного языка», для чего следует тщательно пересмотреть старый славянский язык.

Попытка более подробной критики предложения служить на русском языке была предпринята, например, в издаваемом при Харьковской Духовной Семинарии журнале «Вера и разум». Автор статьи - некий Алексей Струнников, - прежде всего, выразил свое согласие с принципиальной возможностью совершения богослужения на русском языке: «если требовалось дать лишь принципиальное решение вопроса, то об этом не стоило заводить речь: что наша Церковь не признает никакого официально-церковного языка, -это общеизвестная истина, это существующая действительность. В частности против употребления в богослужении русского языка - если вести речь принципиально - нам кажется даже странно возбуждать вопрос»⁵⁹. Однако «принимая во внимание все условия живой действительности», автор пришел к выводу, что «переложение славянских богослужебных книг на русский язык принесет более вреда, чем пользы православной Церкви»⁶⁰.

С одной стороны, Струнников указывает на неудовлетворительное знакомство народа с литературным русским языком как на условие, неблагоприятствующее введению его в богослужение: «кто не знает, что наш литературный язык, не говоря о малороссе, даже деревенскому крестьянину Новгородской, Костромской, Владимирской губерний немного понятнее, чем церковнославянский»⁶¹. Дело усугубляет так же наличие довольно ярко

⁵⁸ Покровский Г., прот. Православное богослужение на русском языке желательно ли? // Церковный вестник. - 1888. - №4. - С. 76-77.

⁵⁹ Струнников А. О славянском языке в церковном богослужении // Вера и разум. - 1888. - Т. I., 4.1. - С.289.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Струнников А. О славянском языке в церковном богослужении // Вера и разум. -1888. - Т. I., 4.1. - С. 293.

выраженных в то время местных диалектных особенностей, которые тоже никак не будут способствовать лучшему пониманию единого богослужебного русского языка.

С другой стороны, автор предупреждает и об опасности усилиями дать большую логическую и грамматическую понятность молитвам и песнопениям лишить их почти всякого действия на чувства.

Вообще, автору этой критики, судя по всему, в возможном введении русского языка в богослужение в большей степени видятся опасности и злоупотребления, чем положительный эффект. Так, автор считает не лишним оснований мнение, видящее одну из причин развития сектантства именно в общедоступности русского перевода Библии. «Подобная же опасность, - по мнению А. Струнникова, - предстоит и при переводе богослужения: иные, например, выражения... могут дать пищу грубому кощунству; иное может дать большую силу самонадеянности тому, кто захочет судить и рядить вкривь и вкось о нашем богослужении»⁶².

Выше изложенный материал наиболее наглядно свидетельствует об остроте и насущности вопроса в отношении состояния богослужебных текстов и их переводов на русский язык. Следует также заметить, что дискуссия о богослужебном языке велась открыто уже в XIX веке. Велась эта дискуссия на страницах церковной печати, на церковных собраниях и велась она вполне серьезно и открыто. Подводя предварительные итоги развития дискуссии о богослужебном языке Русской Церкви в XIX веке следует отметить прежде всего то, что на протяжении практически всего XIX века и, разумеется, к концу его состояние церковнославянского текста священных и богослужебных книг признавалось неудовлетворительным почти всем русским церковным обществом.

Традиционными были в XIX веке для Русской Церкви понимание особой актуальности этой проблемы и, в некоторой степени, её заботы о приближении литургических и библейских текстов к пониманию верующих.

⁶² Там же.

Для решения этой задачи предпринимались как некоторые общецерковные усилия (перевод Библии на русский язык, возобновление богослужебной справы), так и неоднократные старания отдельных лиц (частные переводы на русский язык отдельных библейских книг, попытки исправлений существующего церковнославянского текста, новые славянские и многочисленные русские переводы богослужебных текстов).

Церковная общественность всецело признавала необходимость работы, как минимум, по исправлению очевидных ошибок и наиболее непонятных мест существующего богослужебного церковнославянского текста была к концу XIX века практически общепризнанной.

В этой связи предлагалось и создание нового славянского перевода. «Упрощенного и уясненного» (как писал еп. Феофан Затворник) или выполненного на такой славянский, который был бы максимально приближен в своем синтаксисе к русскому, с заменой устаревших и непонятных церковнославянских слов русскими (еп. Августин Гуляницкий). В последствии такой славянский язык стали именовать ещё «новославянским». Другими словами, предлагалась, условно говоря, определенная степень русификации богослужебного церковнославянского языка.

Стоит также добавить, что в обществе, по крайней мере его части, было распространено желание иметь переводы богослужебных и библейских книг на русском языке. Традиция русских переводов литургических текстов, как было указано, получила вполне широкое распространение в XIX веке. Однако собственно богослужебных книг на русском языке было издано в XIX веке совсем небольшое количество. К тому же часть специалистов по данному вопросу справедливо указывали, что внебогослужебное использование русских переводов не снимает насущной необходимости правки книг, употребляемых именно в богослужении.

Наконец, в конце XIX века предлагалось совершать богослужение на русском языке. В пользу данного предложения, помимо труднодоступно

пониманию церковнославянского языка, говорило то, что в русскоязычном богослужении некоторые миссионеры видели средство противодействия распространению сектантства.

1.2. Переводы библейских текстов с церковнославянского на русский язык в XIX в.

Говоря о дискуссии вокруг языка богослужения и переводов литургических текстов на русский язык, нельзя обойти стороной и создание перевода библейских текстов в XIX веке на русском языке. Конечно, данная тема требует к себе отдельного пристального внимания и специально посвящённого ей исследования, однако и обойти стороной этот вопрос невозможно, поскольку он неразрывно связан с рассматриваемыми событиями.

Как писал известный русский патролог, историк церкви и богослов Н.Н. Глубоковский: «Славянская Библия есть памятник общеславянского христианского воскресения, основа, начало и спутник культуры всех славянских народов. Правильнее сказать, тут одно неразрывно от другого и второе условливается первым, потому что Христианство воплощает «свет истинный», призывает всех к чистой просвещенности и обязывает к свободному прогрессу»⁶³. В этих словах заключена та роль, которую сыграл библейский текст для славянских народов в их культурном и историческом развитии.

Стоит отметить, что не меньшую роль сыграл и перевод Священного Писания на русский язык. Церковный историк И.А. Чистович в своей работе «История перевода Библии на русский язык» отмечал: «Перевод Библии на

⁶³ Глубоковский Н. Славянская Библия / Сборник в честь на проф. Л. Милетич: за седемсетгодишнината отъ рождението му (1863-1933). - София: Издание на Македонския Научену Институту, 1933, - С. 333-349.

русский язык имеет без сомнения чрезвычайно большую важность и высокое историческое значение. Он удовлетворил существенной потребности православного русского народа читать слово Божие на родном, понятном ему языке и почерпать в нём наставление и подкрепление в вере и руководство и утешение в жизни»⁶⁴.

В 1876 г. (иногда называется 1875 г.⁶⁵) была закончена проводившаяся в течение многих лет работа по созданию первого полного перевода Библии на русский язык. Само завершение данной работы является основанием чтобы обратиться к тем временам, событиям, и главное, людям, трудившимся для того, чтобы слово Божие было так же понятно русскому народу, как оно было понятно тем, кто внимал этому, слову на заре христианства. Но есть ещё и другой повод, чтобы вспомнить об их трудах. Новые достижения библейской науки требуют сейчас продолжения работы над русским текстом Священного Писания, обязательным условием которой является хорошее знакомство с прежними опытами русских библейских переводов.

Первыми в России, кто полностью заслуживали право называться переводчиками Библии, а точнее Ветхого Завета, были архимандрит (позднее митрополит Московский) Филарет и видный русский филолог профессор Петербургской духовной академии (в 1814-1835 гг.) протоиерей Герасим Петрович Павский (1787-1863). Архимандрит Филарет в 1819 г. во втором издании своих «Записок на книгу Бытия»⁶⁶ (вышедших первым изданием в 1816 г.) дал впервые русский перевод этой ветхозаветной книги. Павский свои труды в области библейских переводов начал в 1820 г. переводом Псалтири с масоретского текста. Его перевод, изменённый частично в

⁶⁴ Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык. — Второе издание. — СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. - С. 1-16. Режим доступа: <http://biblia.russportal.ru/index.php?id=history.chistovich01>

⁶⁵ См. Логачев К. Издания русских переводов Библии (К столетию создания первого полного перевода Библии на русский язык). // Журнал Московской Патриархии». — 1975. — № 7. — С. 72-78.

⁶⁶ Логачев К. Издания русских переводов Библии (К столетию создания первого полного перевода Библии на русский язык). // Журнал Московской Патриархии». — 1975. — № 7. — С. 72-78.

соответствии с греческим текстом, был опубликован в январе 1822 г. в Петербурге Российским Библейским Обществом. Впоследствии он переиздавался и в России, и за границей.

Стоит сказать несколько слов о деятельности по переводу Священного Писания на русский язык святителя Филарета Московского, которая стала своеобразным откликом на обращения тех, кто не раз говорил о необходимости наличия библейского текста на русском языке. Как указывает В. Котт, митрополит Филарет стал главным основоположником и ведущим строителем русской церковной переводческой деятельности в описываемый период. Он добился признания у церковного народа и подготовил саму реформу церковного языка, и само церковное сознание к ней⁶⁷. Во многом именно благодаря его трудам в XIX веке и был осуществлен перевод Св. Писания на русский литературный язык.

Филолог А.А. Плетнева говорит об этом событии следующее: «Сейчас даже трудно представить, что было время, когда для многих русская Библия была делом немыслимым и невозможным»⁶⁸. Однако, дело перевода Библии на русский язык и его издание в начале XIX в., как известно, было сопряжено с огромными трудностями и неприятностями, как для самого святителя Филарета, так и для его сподвижников.

В рамках настоящей работы нет возможности досконально описать все перипетии, сопутствовавшие истории перевода и издания русской Библии. Появление её в России в XIX веке - это целое событие в истории Русской Церкви и тема эта заслуживает отдельного исследования. Однако в данной работе важно проанализировать и выявить отношение самого митрополита Филарета к проблеме языка Церкви в целом и, в частности, взгляды этого выдающегося церковного деятеля и переводчика XIX века на проблему церковнославянского языка в богослужении.

⁶⁷ Котт В. «Мы бережем золотник, а теряем пуд». Очерк истории русского богослужебного языка // Православная община. - 2000. - №56 (2). - С. 39.

⁶⁸ Плетнева А.А. К проблеме перевода богослужебных текстов на русский язык // ЖМП. - 1994. - №2. - С. 62.

Показательными в данном отношении представляются слова святителя Филарета из его послания по поводу греко-болгарской распри, ушедшему на покой Константинопольскому патриарху в 1840 году. «Достойно молитв ваших, чтобы народ был умиротворен и охранен в православии предоставлением ему довольной свободы иметь пастырей и учителей удобно понимаемых, слушать богослужение на понятном языке и обучать детей на природном языке»⁶⁹. Из данного послания видно что митрополит Филарет не случай говорит о возможности «слушать богослужение на понятном языке и обучать детей на природном языке», поскольку данное обстоятельство служит залогом преодоления случившейся распри и важности восприятия истины на родном языке.

Также можно привести ещё несколько характерных высказываний святителя: «Святой апостол Павел учит, что не в словах Царство Божие, но в силе (1 Кор. 4, 20); не станем без нужды возбуждать разделяющие прекословия о разностях слов, когда они ведут к единой силе Царства Божия»⁷⁰. Касательно русского перевода библии святитель говорил: «Величие Св. Писания состоит в силе, а не в блеске слов; из сего следует, что не должно слишком привязываться к славянским словам и выражениям, ради мнимой их важности... Тщательно наблюдать должно дух речи, дабы разговор перелагать слогом разговорным, повествование повествовательным, и так далее... »⁷¹. Здесь митрополит Филарет говорит о том, что главное заключается не в форме повествования, а в духе, и в этом отношении не может быть догматизации, в том числе и языковой, на которой настаивали некоторые сторонники сохранения богослужения на славянском языке.

При этом митрополит говорит о невозможности некой поспешной реформы, которая может и при благих побуждениях принести более вреда нежели пользы: «Текст псалма приводится на русском; на что дразнить без

⁶⁹ Котт В. «Мы бережем золотник, а теряем пуд». Очерк истории русского богослужебного языка // Православная община. - 2000. - №56 (2). - С. 39.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. – С. 155.

нужды людей, когда сего не хотят? Разве не довольно, что Московская духовная академия была оклеветана в нововведении сего рода? Разве надобно давать оружие клятве?»⁷².

В отношении же противников перевода Библии на русский язык, таких как адмирал Шишков, который «отрицал самое существование русского языка», русский библейский перевод считал «перекладкою Слова Божия с наречия высокого и важного на этот низкий стиль, на этот язык театра и страстей», который «возражал и против перевода на другие языки» и, вообще, «самая мысль о переводе Библии» которому «представлялась злейшей ересью»⁷³ святитель Филарет с горечью писал: «Восстание против перевода Священных Книг образовали люди, водимые личными видами... Дым ест глаза, а они говорят: так едок солнечный свет. Задыхаются от дыма, и с трудом выговаривают: как вредна вода от источника жизни...»⁷⁴.

Митрополит Филарет, как и другие русские архиереи, признавал небрежение к проблеме переводов церковных книг грозящим скорбями и очень опасными для Церкви. Он знал грозные пророчества св. архимандрита Макария (Глухарева), предупреждающие о гневе Божиим из-за небрежения о воле Божией в деле перевода. Не раз по этому поводу святитель обращался к своим последователям со словами: «Помолимся, да не будем наказаны за небрежение о нём (донесение слова Божия на национальном языке)»⁷⁵.

Характеризует в этом отношении митрополита Филарета ещё и то, что, когда граф Н.А. Протасов, обер-прокурор Синода с 1836 г., решил на законодательном уровне утвердить как единственный канонический в Российской Церкви церковнославянский текст Библии, митрополит Филарет, увидев в этом прямой вред для Церкви, энергично противостоял этому, несмотря на неизбежные репрессии, и внес в Синод записку "О

⁷² Котт В. «Мы бережем золотник, а теряем пуд». Очерк истории русского богослужебного языка // Православная община. - 2000. - №56 (2). - С. 39.

⁷³ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. – С. 161-163.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Котт В. «Мы бережем золотник, а теряем пуд». Очерк истории русского богослужебного языка // Православная община. - 2000. - №56 (2). - С. 40.

догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого семидесяти толковников и славянского переводов Священного Писания" (1845), которая и была принята в руководство, когда был возобновлен перевод Ветхого Завета.

Однако такое упорное, если не сказать яростное (Шишков добивался от императора Александра запрещения русских переводов и закрытия самого Библейского Общества), противодействие делу русского перевода Библии со стороны некоторых представителей реакционно-настроенных высших церковных и государственных кругов, вероятно, вынудило этого далеко мыслящего святителя быть гораздо более сдержанным и осторожным в своих опытах русских переводов и исправлений богослужебных текстов. Да и сама мысль о какой бы то ни было возможной русификации богослужения тоже по этой причине не могла быть открыто высказана вплоть до конца XIX века.

Та осторожность, с которой святитель всё же предпринимал свои собственные попытки перевода богослужебных текстов на русский язык и исправления богослужебных книг, является, по мнению Б.И. Сове «типичным для отношения высшей церковной иерархии к делу исправления богослужебных книг в середине XIX века»⁷⁶. Со взглядами великого Московского митрополита, продолжает Сове, «нас знакомит письмо московского протоиерея А. Невоструева от 8 июня 1849 года к брату Капитону Ивановичу. Митрополит Филарет, "напуганный прицепками бестолковой старины ещё при первом издании Катехизиса, а также при издании русского перевода Псалтыри и Нового Завета, стал слишком осторожен или даже робок и начал глядеть сквозь пальцы на все нелепости наших богослужебных книг"»⁷⁷. Митрополит, проводя, во многом вынужденную, охранительно-консервативную церковную политику, весьма неохотно соглашался, что в служебнике встречаются грубые ошибки и

⁷⁶ Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX-XX веках // Богословские труды. - 1970. - СПб. - V. - С.25.

⁷⁷ Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX-XX веках // Богословские труды. - 1970. - СПб. - V. - С.33.

неправильная расстановка знаков препинания.

В продолжении дела перевода литургических книг в 60-х годах некоторые богослужебные тексты переводил московский протоиерей В.П. Нечаев (будущий архиепископ Виссарион), но и ему пришлось тоже испытать крайне сдержанное отношение митрополита Филарета к этим трудам и самой его переводческой деятельности.

И всё-таки даже такой, сторонник «охранительно-консервативной церковной политики» как святитель. Филарет, считал необходимым трудиться и сам усердно работал над русскими переводами литургических текстов и над исправлением богослужебных книг. Б.И. Сове приводит по этому поводу слова из письма к брату протоиерея А. Невоструева, который отмечал, что «наш премудрый архипастырь бывает, как говорят светские, непоследователен или неверен сам себе: что себе позволяет, то в других охудшает, критикуя даже собственные мысли, слова и выражения, встречаемые у других. Сие мог бы я подтвердить множеством доказательств»⁷⁸.

Сам Б.И. Сове признает, что при всей своей осторожности в отношении исправления и изъяснительных переводов литургических текстов на русский язык митрополит Филарет самостоятельно перевёл на русский язык акафист Пресвятой Богородице. Также митрополиту Филарету принадлежат и другие, хоть и не опубликованные переводы и переложения гимнографических текстов на русский язык. Так, например, в бумагах протоиерея А. Невоструева сохранилось переложение кондака Преображению со славянского на русский язык⁷⁹.

Занимался святитель и исправлением наличного церковнославянского текста богослужебных книг. При этом, как отмечает выше уже упомянутый автор, в последние годы своей жизни митр. Филарет, вероятно, смелее стал

⁷⁸ Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX-XX веках // Богословские труды. - 1970. - СПб. - V. - С.35.

⁷⁹ Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX-XX веках // Богословские труды. - 1970. - СПб. - V. - С.35.

думать об исправлении богослужебных книг. После его кончины «у него остались два месяца служебной минеи на греческом языке, взятых у нас для исправления некоторых мест в наших богослужебных книгах», сообщает профессор Казанский своему брату от 4 декабря 1867г.»⁸⁰. Иллюстрацией же этому факту служит пояснение самого святителя: «В службе мне хотелось соединить славянский род речи с ясностью - писал по поводу своих исправлений святитель Филарет своему духовнику, наместнику Троице-Сергиевой Лавры архимандриту Антонию (Медведеву), - поэтому я иногда переменял порядок слов и некоторые слова употреблял несколько новые, вместо более древних, темных или обоюдных для нашего понятия»⁸¹. Подобные пояснения ещё раз свидетельствуют о работе святителя Филарета в области исправления богослужебных книг, и его переводческой деятельности библейских и литургических текстов.

Если вспомнить ещё и молитву, составленную святителем Филаретом, то придется признать, что язык, который использовал святитель в своём литургическом творчестве, скорее русский, чем церковнославянский, или, по меньшей мере, вполне удачное соединение «славянского рода речи с ясностью» (по выражению самого святителя). И это вполне понятно и естественно в контексте того, что святитель Филарет, по словам прот. Г. Флоровского, «всю жизнь боролся за русский язык, - и в Библии, и в богословском преподавании. Он стремился и хотел бы сделать богословие общедоступным. Именно это в нем представлялось таким страшным и опасным его противником. Именно общедоступности они и не хотели»⁸².

И тем не менее, «после трудов митр. Филарета никто уже не мог и не может принципиально отстаивать позицию невозможности использования русского языка для нужд Церкви, - это касается и языка Св. Писания, и языка богослужения и церковной проповеди, и языка богословия и богословского

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Котт В. «Мы бережем золотник, а теряем пуд». Очерк истории русского богослужебного языка // Православная община. - 2000. - №56 (2). - С. 41.

⁸² Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. - Вильнюс, 1991. - С. 173.

образования, и языка святоотеческих книг и душеполезной литературы...»⁸³.

Однако, перевод Библии на русский язык был продолжен. В 1820-1825 гг. русскими духовными академиями был осуществлен перевод Восьмикнижия (Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие, Книга Иисуса Навина, Книга Судей и Книга Руфи), который редактировал Г.П. Павский⁸⁴. Российское Библейское Общество напечатало этот перевод в Петербурге в 1825 г. Однако по ряду обстоятельств он не распространялся. В 1861 г. Перевод этот с незначительными изменениями был издан в Лондоне Британским и Иностраным Библейским Обществом⁸⁵.

Перевод Восьмикнижия 1820-1825 гг. был выполнен на основе синтеза масоретского текста (еврейского текста в форме, приданной ему в VI-X вв.) и Септуагинты (LXX) (греческого перевода III-II вв. до Р.Х.). Славянскому тексту этот русский перевод соответствует не всегда, и в отдельных местах его заметно влияние новых западных переводов.

В 1825-1836 гг. Г.П. Павский переводил следующие за Восьмикнижием ветхозаветные книги. Дважды - в 1839 и 1841 гг. - переводы Г.П. Павского литографировались. Его переводы публиковались в Петербурге в 1861-1863 гг. в журнале «Дух христианина». Основой для переводов Г.П. Павского был только масоретский текст.

С 1834 г. переводом Ветхого Завета с масоретского текста занимался (используя при этом и перевод Восьмикнижия 1820-1825 гг., и переводы Г.П. Павского) знаменитый алтайский миссионер архимандрит Макарий (Глухарев). Перевод архимандрита Макария был опубликован в Москве в 1860-1867 гг. в журнале «Православное обозрение».

⁸³ Котт В. «Мы бережем золотник, а теряем пуд». Очерк истории русского богослужебного языка // Православная община. - 2000. - №56 (2). - С. 40.

⁸⁴ Логачев К. Издания русских переводов Библии (К столетию создания первого полного перевода Библии на русский язык). // Журнал Московской Патриархии. - 1975. - № 7. - С. 72-78

⁸⁵ Боголюбский М., прот. Об издании Библии в русском переводе в Лондоне [В. Кельсиевым]. (Письмо изъ за-границы.) // Православное обозрение. - М.: Въ типографіи Каткова и К°. - 1860 г. - Ноябрь. - С. 381-391.

В 1856-1859 гг. Св. Синодом были приняты официальные решения о необходимости возобновления работы над русским переводом Библии и о публикации в журналах старых и новых переводов, выполнявшихся отдельными лицами. После этого многие в России начали переводить Ветхий Завет. Прежде всего следует сказать, что с 1860 г. при Петербургской духовной академии над переводом Ветхого Завета работала специальная комиссия, в которую входили профессора академии Е.И. Ловягин (1822-1909), Д.А. Хвольсон (1819-1911), М.А. Голубев (1824-1869) и известный историк П.И. Савваитов (1815-1895)⁸⁶. Созданный этой комиссией перевод (основой для которого был масоретский текст, но при создании которого в некоторой степени использовалась и Септуагинта) публиковался в Петербурге частями в 1861-1870 гг. в виде приложений к журналу «Христианское чтение» и в виде отдельных выпусков. Текст Восьмикнижия в этом переводе отличен от текста Восьмикнижия 1820-1825 гг. Перевод Комиссии Петербургской академии по распоряжению Синода пересматривался с 1867 г. Киевской, а в последствии Московской и Казанской духовными академиями. Главным результатом пересмотра было введение в русский текст переводов всех частей, которыми Септуагинта отличалась от масоретского текста. После этого перевод печатался частями в 1868-1875 гг. (еще без параллельных мест и указателя церковных чтений, затем вошел в первую полную русскую Библию, опубликованную от имени Синода впервые в 1876 г. и многократно с тех пор переиздававшуюся в России и за границей.

Из переизданий этой Библии следует особо отметить переиздания по новой русской орфографии: первое по времени, выпущенное баптистами в Ленинграде в 1925-1926 гг., и два издания Московской Патриархии - 1956 и

⁸⁶ Логачев К. Издания русских переводов Библии (К столетию создания первого полного перевода Библии на русский язык). // Журнал Московской Патриархии». – 1975. - № 7. - С. 72-78.

1968 гг. (последнее издание содержит ряд очень полезных при чтении Библии приложений - хронологические таблицы, карты и т.д.).

В 1861-1864 гг. в «Трудах Киевской духовной академии» печатался перевод некоторых ветхозаветных книг, выполненный профессором академии М.С. Гуляевым. С 1869 г. там же печатался перевод ряда пророческих книг. В 60-е годы появлялись и другие переводы отдельных книг Ветхого Завета.

50-70-е годы XIX в. ознаменовались также активизацией работы по переводу и изданию Ветхого Завета на русском языке вне пределов России. В 1858 г. в Лондоне по поручению французского филолога принца Людовика-Люсьена Бонапарта (1813-1891), племянника Наполеона, была издана в переводе с масоретского текста Песнь Песней на многих языках, в том числе и на русском⁸⁷. В 1860 г. там же был опубликован в четырёх выпусках с общей нумерацией страниц перевод с масоретского текста Пятикнижия, осуществленный лицом, скрывшимся под псевдонимом «Вадим»⁸⁸. По свидетельству М. Боголюбского, перевод этот отличался крайним буквализмом в передаче оригинала.

Один из членов переводческой комиссии, работавшей при Петербургской духовной академии, Д.А. Хвольсон, продолжал в 60-е - 70-е годы XIX в. (с помощью П.И. Савваитова) работу по переводу на русский язык ряда канонических (в основном пророческих) книг Ветхого Завета (лишь с масоретского текста), начатую профессором академии В.А. Левинсоном, по поручению Британского и Иностранного Библейского Общества (публиковавшего, в соответствии со своими принципами, лишь переводы канонических книг Ветхого Завета с масоретского текста). Публикация переводов В.А. Левинсона и Д.А. Хвольсона в Лондоне была начата Обществом в виде отдельных выпусков в 1866 г. и завершена в 1875 г.

⁸⁷ Боголюбский М., прот. Об издании Библии в русском переводе в Лондоне [В. Кельсиевым]. (Письмо изъ за-границы.) // Православное обозрение. — М.: Въ типографіи Каткова и К°. - 1860 г. - Ноябрь. - С. 381-391.

⁸⁸ Там же.

Этот перевод, наряду с не пересмотренным переводом Пятикнижия и исторических книг, созданным комиссией при Петербургской академии, был основой ветхозаветной части однотомной русской Библии без неканонических книг, публиковавшейся Обществом в Вене в 1877 г. За границей текст этой части печатался и параллельно с масоретским текстом, предназначаясь для евреев, живших в России.

В России перевод только канонических книг Ветхого Завета с одного масоретского текста (представляющий собою пересмотренный перевод комиссии Петербургской духовной академии, из которого опущены почти все переводы частей, находящихся только в Септуагинте) был напечатан впервые как часть Библии на русском языке без неканонических книг, опубликованной в пяти выпусках в 1881-1882 гг. Однотомное издание такой Библии выходило позднее и в России, и за границей.

Во второй половине XIX - начале XX в. для евреев, проживавших в России, был создан ряд дословных русских переводов различных частей Ветхого Завета с масоретского текста. Так, сотрудник российского Министерства народного просвещения Л.И. Мандельштам (1819-1889) опубликовал в 1862 г. в Берлине перевод Пятикнижия. Перевод этот был довольно далек по языковой форме от перевода Пятикнижия в синодальном издании. В 1872 г. вышло новое издание этого перевода (параллельно с масоретским текстом). Л.И. Мандельштам выполнил также перевод Псалтири. Аарон-Илия Пумпянский (1835-1893) издал параллельно с масоретским текстом свои переводы Псалтири (Варшава, 1872) и Притчей Соломоновых (Петербург, 1891). В 1875 г. перевод Пятикнижия параллельно с масоретским текстом издали И.Г. Герштейн и Л.О. Гордон. Гебраист Иошуа Штейнберг (1830-1908) опубликовал в Вильно снабженный примечаниями перевод ряда ветхозаветных книг, также параллельно с масоретским текстом (Пятикнижие, 1899, книги Иисуса Навина и Судей, 1906, и др.). Переводы Штейнберга близки с точки зрения языковой формы к

русскому тексту в синодальном издании Библии. Было издано также ещё несколько предназначавшихся для евреев, живших в России, переводов отдельных частей Ветхого Завета.

С другой стороны, во второй половине XIX - начале XX в. в России создавались переводы ветхозаветных книг только с Септуагинты. В 1874-1875 гг. в «Трудах Киевской духовной академии», а позднее в Петербурге отдельно был опубликован перевод Псалтири с Септуагинты, выполненный знаменитым церковным историком и востоковедом епископом Порфирием (в миру К.А. Успенский). В начале XX в. в журнале «Православный собеседник» и в виде отдельных выпусков были опубликованы переводы ряда ветхозаветных книг с Септуагинты, выполненные профессором Казанской духовной академии П.А. Юнгером (1856-1922).

Следует также указать, что в конце XIX - начале XX в. появлялись переводы отдельных ветхозаветных книг в различных исследованиях русских библиологов.

Говоря о переводе новозаветных текстов, прежде всего следует отметить, что первым опытом перевода на русский язык части Нового Завета следует считать перевод Послания к Римлянам, выполненный в конце XVIII в. архиепископом Мефодием (Смирновым), в его бытность профессором Московской Славяно-греко-латинской академии. Перевод этот печатался несколько раз Московской Синодальной типографией параллельно со славянским текстом (русский перевод служил «толкованием» славянского текста)⁸⁹. Это была первая публикация новозаветной (и вообще библейской) книги в русском переводе в прямом смысле этого слова.

В 1816 г. в Петербургской духовной академии началась работа по переводу на русский язык всего Нового Завета. Русский перевод и в этом случае мыслился как толкование славянского текста. В 1819 г. (а не в 1818 г.,

⁸⁹ См. Логачев К. Издания русских переводов Библии (К столетию создания первого полного перевода Библии на русский язык). // Журнал Московской Патриархии». - 1975. № 11. – С. 73-80.

как часто указывается)⁹⁰ в Петербурге Российским Библейским Обществом была опубликована параллельно со славянским текстом первая часть перевода - перевод Евангелий. В начале книги было помещено предуведомление, подписанное от 30 марта 1819 г. митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Михаилом, митрополитом Московским и Коломенским Серафимом и архиепископом Тверским и Кашинским Филаретом. Закончена публикация перевода параллельно со славянским текстом была в 1821 г. Этот славяно-русский Новый Завет был издан в России несколько раз. Перевод 1816-1821 гг. переиздавался позднее также и без славянского текста. Издавался этот перевод без славянского текста и за границей⁹¹. Он не вполне точно соответствовал славянскому тексту (что отмечалось в предисловии к изданию перевода без славянского текста). При создании его были, по-видимому, использованы переводы нового времени на западноевропейские языки.

В 1840-х годах за границей поэтом В.А. Жуковским был выполнен перевод Нового Завета, по языку и стилю более славянизированный, чем перевод 1816-1821 гг. Перевод Жуковскаго был опубликован в Берлине в 1895 г.⁹² В 1902 г. в журнале «Странник» были опубликованы отрывки из этого перевода с указанием, что перевод сделан со славянского текста.

В 1860-1862 гг., после синодальных решений 1856-1859 гг. о необходимости возобновления работы над русским переводом Библии, в Петербурге была опубликована новая редакция перевода, подготовленная русскими духовными академиями (ещё без параллельных мест и указателя церковных чтений). Подготовка этой новой редакции, очень мало отличающейся от первоначальной, шла под руководством митрополита

⁹⁰ Там же.

⁹¹ См. Боголюбский М., прот. Об издании Библии в русском переводе в Лондоне [В. Кельсиевым]. (Письмо изъ за-границы.) // Православное обозрѣніе. — М.: Въ типографіи Каткова и К°. - 1860 г. - Ноябрь. - С. 381-391.

⁹² Канунова Ф.З. Исследование и перевод Нового Завета в нравственно-эстетических исканиях В.А. Жуковскаго. - Режим доступа: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431097661.pdf

Московского Филарета. Эта новая редакция вошла в русскую Библию 1876 г., неоднократно переиздававшуюся впоследствии в России и за рубежом, в русскую Библию, публиковавшуюся с 1877 г. в Вене Британским и Иностранным Библейским Обществом, в Библию в пяти выпусках 1881-1882 гг., в изданные Московской Патриархией Новый Завет 1918 г. и 1956 г. и Библию (1956 и 1968 гг.) Эта редакция вошла и в изданный в России Новый Завет на четырех языках.

В конце XIX в. за границей был опубликован перевод свода греческого текста Евангелий, выполненный писателем Л.Н. Толстым (1828-1910). Позднее этот перевод печатался в России.

За границей же первоначально был опубликован перевод Посланий к Галатам и Ефесянам, выполненный богословом-славянофилом А.С. Хомяковым.

В 1902-1905 гг. отдельными частями, а в 1906 г. полностью в Петербурге была опубликована редакция русского перевода Нового Завета, подготавливавшаяся с 1892 г. обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым. К.П. Победоносцев (как и ранее Жуковский) считал, что редакция русского новозаветного перевода, опубликованная в 1860-1862 гг., слишком далеко отходит с точки зрения языковой формы от славянского текста, и в своей редакции стремился значительно сблизить русский текст со славянским, заметно меняя редакцию 1860-1862 гг.

Таким образом, конец XIX века ознаменовал себя выдающимся событием для всего общества – созданием полного перевода Библии на русском языке, который вошел в историю как Синодальный. Над созданием перевода трудились четыре духовных академии. Издание библейских текстов на русском языке, явилось своеобразным ответом на вопросы языка богослужения и богослужебных текстов.

Синодальный перевод делался на основе еврейского масоретского текста, однако в полном соответствии с Православной догматикой, а потому максимально приближенно к Септуагинте и старославянскому переводу,

который рассматривался как самостоятельный вариант Септуагинты. Несмотря на достигнутые успехи в деле перевода Библии на русский язык, текст этот имел и многие недочеты, поэтому работа в данном направлении была продолжена и в последующем столетии.

ГЛАВА II. ВОПРОС О БОГОСЛУЖЕБНОМ ЯЗЫКЕ НА ПОМЕСТНОМ СОБОРЕ 1917-1918 ГГ.

2.1. Вопрос богослужебном языке в Предсоборный период

Необычайно интенсивное развитие получило обсуждение проблемы богослужебного языка в начале XX века. Важность этой проблемы и необходимость скорейшего её разрешения стали настолько актуальными, что жалобы на непонятность церковнославянского языка проникали даже в учебники гомилетики, минуя инстанции любой цензуры. Так в «Гомилетике» священника А. Юрьевского указано: «Все почти без исключения сознаются и жалуются, что церковные творения неудобовразумительны, темны, туманны. Ввиду трудности и неясности богослужебного славянского языка, недостаточно – для приведения народа к сознательному и живому участию в богослужении – одних только уроков и бесед священников со своими духовными детьми о православном богослужении. Нужно дать народу возможность слушать и понимать великие творения церковных песнотворцев и молитвенников, без изучения их подлинного текста»⁹³. Подобного мнения придерживался и М.М. Тареев, профессор Московской духовной академии, говоря о том, что богослужение должно быть понятно для народа: пусть же оно, прежде всего, совершается на понятном для народа языке⁹⁴.

Тема богослужебного языка продолжала с самого начала века активно дискутироваться и в печати. В петербургской газете «Слово» в 1905 г. было высказано следующее мнение группой московских священников: «Всё богослужение должно быть совершаемо на безусловно всем ясном и понятном языке»⁹⁵. О малопонятности церковнославянского языка даже для

⁹³ Юрьевский А., свящ. Гомилетика, или наука о пастырском проповедании Слова Божия. – Киев, 1903. – С. 163, 165.

⁹⁴ Тареев М.М. По вопросам гомилетики. Критические очерки. ТСЛ. 1903. – С. 80.

⁹⁵ Цит. по: Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 25.

священников писал тогда же в еженедельнике «Церковный вестник», выпускаемый Санкт-Петербургской духовной академии, священник К. Стефанович⁹⁶.

В качестве приложения к популярной среди духовенства газете «Русское дело» осенью 1905г. распространялась брошюра «О церковном соборе», киевского миссионера свящ. С.М. Потехина. Автор её высказывался за сохранение церковнославянского языка в качестве богослужебного, но предлагал сделать его доступным пониманию, поскольку он «совершенно скрывает, а весьма часто и искажает до ереси смысл и содержание многих богослужебных чтений и песнопений»⁹⁷. Для этого о. Савва предлагал пересмотреть и исправить текст богослужебных книг до возможности понимания его и не учившимися славянской грамоте.

В 1905 году Святейший Синод запросил всех епархиальных архиереев ответить на ряд вопросов, касающихся предполагаемых церковных реформ. Эти «отзывы» были опубликованы в 1906 году. Следует заметить, что среди заданных вопросов не было отдельного вопроса, посвященному богослужебному языку. И тем не менее в 31 отзыве (почти половине всех отзывов) так или иначе был затронут вопрос о богослужебном языке и тексте богослужебных книг. Среди выше указанного опроса не нашлось ни одного отзыва, в котором в той или иной степени проблема богослужебного языка не находила отклика. Как отмечал В. Котт «Единодушие в этом вопросе оказалось даже большим, чем в вопросах о восстановлении патриаршества, где один архиерей был против, и о созыве собора, где против высказались три архиерея»⁹⁸. Язык богослужебных книг признавался всеми, высказавшимися по этому вопросу архиереями, малодоступным для

⁹⁶ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 25.

⁹⁷ Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. История церковнославянского языка в России (конец 19 – 20 в.) / Отв. ред. А.М. Молдован. – М.: Языки русской культуры, 2001. – С. 218.

⁹⁸ Котт В. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. о церковно-богослужебном языке: Предыстория, документы и комментарии // Язык Церкви: Материалы международной богословской конференции. - Москва, 22-24 сентября 1998 г. - С. 101.

понимания верующих.

Ещё более иллюстрируют это мнение характерные высказывания русских епископов того периода.

Архиепископ Рижский Агафангел (Преображенский) писал: «Язык наших богослужебных книг требует самого тщательного исправления. Уже со времени перевода Библии на русский язык стал с неотложностью вопрос о переводе богослужебных книг на язык, доступный пониманию. Необходимо немедленно приступить к исправлению богослужебных книг. Язык их совершенно скрывает, и весьма часто искажает смысл и содержание многих богослужебных чтений и песнопений»⁹⁹.

Ярославский архиепископ Иаков (Пятницкий): «Богослужебные книги наши изложены на церковнославянском языке, от которого общеупотребляемый русский язык далеко ушел в своем развитии. В богослужебных книгах много речений устаревших, непонятных не только мирянину, не получившему образования, но и священнику, получившему специальное богословское образование.. Немало встречается и целых выражений, где за греческою расстановкою слов или слишком буквальным механическим переводом едва уловляется смысл. Чтение и пение их по этой причине не имеет назидания. И возвышеннейшее богослужение наше из-за пристрастия к умершему языку превращается в непонятное словоизвержение для поющих, читающих и слушающих... Необходимо обсудить вопрос об исправлении существующего церковнославянского перевода богослужебных книг или же немедленно приступить к новому переводу их на новославянский язык, всем понятный и вразумительный»¹⁰⁰.

Святитель Тихон, на тот момент епископ Алеутский и Североамериканский, тоже был сторонником нового перевода литургических текстов. В своих «отзывах» он писал: «Для Русской Церкви важно иметь новый славянский перевод богослужебных книг (теперешний устарел и во

⁹⁹ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе.- СПб., 1906. – С. 529.

¹⁰⁰ Там же.

многих местах неправильный), чем можно будет предупредить требование иных служить на русском обиходном языке»¹⁰¹.

Епископ Минский Михаил (Темнорусов) по вопросу богослужебного языка писал следующее: «Желательно, чтобы богослужения в храме совершались на понятном для богомольцев языке... Многие стихиры и тропари являются непонятными даже для людей, прошедших высшую богословскую школу. Наши богослужебные книги и отчасти Библия переведены на такой язык, на каком ни один славянин не говорил и не писал. Это язык книжников, часто малосведущих как в славянском, так и в греческом языке. А между тем православному русскому народу приходится слушать богослужение на этом языке, испытывая крайние трудности в понимании Священного Писания и богослужебных молитв и песнопений... Посему настает существенная нужда сделать новый перевод священных и богослужебных книг»¹⁰².

Некоторые архиереи предлагали использовать для совершения богослужения и русский язык того времени. Архиепископ Иркутский Тихон (Троицкий) говорил об этом так: «Собор прежде всего должен рассмотреть вопрос о переводе всего богослужения с церковнославянского языка на русский, или об изменении в словосложении своём церковнославянский язык в более понятную и близкую к складу русской речи форму. Такой перевод есть настоятельная необходимость. Церковнославянский язык непонятен более чем для половины русских людей, а это лишает общественное богослужение его прямого значения – религиозно-нравственного просвещения и воспитания членов Церкви»¹⁰³.

В «отзыве» Архангельского епископа Иоанникия (Казанского) сказано: «Наше богослужение имеет религиозно-нравственное и воспитательное значение. Оно будет вполне достигать своей цели, когда будет совершаться

¹⁰¹ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. - СПб., 1906. – С. 537.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

на языке, понятном для всех, то есть на родном русском языке... У нас в России есть литургия на языке латышском, зырянском, мордовском, но нет богослужения на своем родном наречии. Сектанты некоторых совращают и потому, что их простое, понятное богослужение совершается по-русски... Богослужение совершается на малопонятном, а для многих и совершенно непонятном славянском языке. Будучи великолепным по своему содержанию, оно остается непонятным, а вследствие этого – и без желательного влияния на простой народ. Поэтому полезно было бы славянский язык в церковном богослужении заменить русским. Такая замена даст для очень многих великое счастье участвовать в богослужении... не одним только стоянием в храме, но участвовать разумно»¹⁰⁴.

О подобных же предложениях говорится в официальном обзоре «Отзывов»: «Преосвященный Финляндский (архиепископ Сергей (Страгородский), будущий Святейший Патриарх) в своем мнении указывает на необходимость предоставления права, где это пожелает приход, совершать богослужение на родном языке. Точно также допускает возможность совершения богослужения на современном русском языке и преосвященный Кишиневский. Преосвященный Холмский признает возможным чтение псалмов во время богослужения допустить по русскому переводу Свящ. Писания...»¹⁰⁵. Вносились и предложения о частичном использовании русского языка – при чтении Апостола, Евангелия или Псалтири¹⁰⁶.

Из всех выше приведённых высказываний архиереев Русской Церкви следует вывод: русский епископат, в согласии с духовенством и паствой, осознавал всю актуальность проблемы недоступности большинству мирян церковнославянского языка и богослужебных текстов и, руководствуясь пастырскими соображениями, признавал необходимым для Церкви

¹⁰⁴ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. - СПб., 1906. – С. 335-336.

¹⁰⁵ Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам церковной реформы. - СПб., 1906. – С. 8.

¹⁰⁶ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001. - С. 30.

скорейшего разрешения данного вопроса на предстоящем Соборе.

Общецерковный, поистине соборный, характер стремлений к улучшениям в области богослужения и, в частности, богослужебного языка, представляется вполне очевидным и до последнего времени не подвергался сомнениям. Вот что говорил по этому поводу в своем докладе «О богослужебном языке» современник тех событий, член Поместного Собора 1917-1918 гг. А.В. Новосельский: «Мнения тем более важны и интересны, что они иногда являлись не только выражением личного взгляда местного епископа, а были *ria doxideria* целых учреждений, призывавшихся кое-где епископами к обсуждению церковных дел в указываемое время. В них, таким образом, сказывалось соборное сознание церковных людей»¹⁰⁷. А вот что писал в советские годы Б.И. Сове: «Мнение епископата о необходимости исправления богослужебных книг, высказанное в «Отзывах», разделялось большею частью духовенства, как это видно из резолюций епархиальных и других церковных съездов»¹⁰⁸. Наконец, современный исследователь этого вопроса, о. Николай Балашов, в своей книге пишет: «Содержащиеся документы... составлялись преосвященными при содействии особых епархиальных комиссий. В ряде случаев учитывались предложения, специально подготовленные епархиальными съездами духовенства и мирян... Ясно было, что первый Поместный Собор после двухвекового перерыва сможет обсудить лишь важнейшие вопросы церковной жизни. Тем не менее, почти половина преосвященных сочла необходимым включить в список этих важнейших и вопрос о непонятности церковнославянского богослужебного текста»¹⁰⁹.

Между тем, в последнее время находятся некоторые полемисты, которые, описывая историю богослужебной sprawy в России и касаясь в

¹⁰⁷ Священный Собор Православной Российской Церкви. Из материалов отдела о богослужении, проповедничестве и храме // Богословские труды. - 1998. - №34. - С. 257.

¹⁰⁸ Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX-XX веках // Богословские труды. - 1970. - СПб. - V. - С. 54.

¹⁰⁹ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 24, 31.

связи с этим оживления дискуссии о языке богослужбных книг в начале XX века, делают акцент на совершенно ином понимании минувших событий: «Дурман реформ, охвативший Россию с середины XIX века, действовал не только на студенческую молодежь и либеральную интеллигенцию... Идеи модернизма, жажда реформации, перемен, достаточно широко распространялись в церковном обществе – и среди мирян, и среди клира, и даже среди части епископата... В церковной периодике была развернута довольно бурная полемика по поводу различных "церковных недостатков", и вопрос о языке богослужения, будто бы непонятном верующим, среди прочего занимал одно из главных мест...»¹¹⁰.

В этой связи возможно вновь обратиться к уже выше упомянутому изданию о. Н. Балашова в котором, по сути, систематизированы мнения архиереев по вопросу богослужбного языка. В рамках данной систематизации можно выделить несколько основных аспектов:

- Большинство архиереев, затронувших эту проблему в своих «Отзывах», склонялись к предложению о создании нового славянского перевода или о капитальной ревизии существующего (границы между этими позициями трудно провести отчетливо).

- Другие архиереи предлагали сделать перевод богослужбных книг на так называемый «новославянский» язык, который бы имел максимально близкий к русскому синтаксис и, возможно, лексические заимствования из русского. Точное содержание этого выражения, однако, осталось невыясненным. Предполагаемый язык такого перевода называли иногда и славяно-русским¹¹¹.

- Были предложения и постепенного введения в богослужение русского языка. Исходя при этом из пастырских и миссионерских соображений, указывали на распространение сектантства, не сдерживаемого

¹¹⁰ Богослужбный язык Русской Церкви: История. Попытки реформации. - М.: Издание Сретенского монастыря, 1999. – С. 44-45.

¹¹¹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Из материалов отдела о богослужении, проповедничестве и храме // Богословские труды. - 1998. - №34. - С. 258.

более полицейскими мерами, что наглядно продемонстрировало притягательность для народа доступного богослужения на родном языке.

- Некоторые архиереи в своих отзывах ограничились лишь указанием на необходимость сделать язык богослужения общедоступным, понятным для молящихся, не конкретизируя, будет ли это обновленный славянский язык или русский.

Итак, вопрос о богослужебном языке в начале XX века полностью Русской Церкви был поставлен в ряд насущных вопросов, подлежащих скорейшему соборному разрешению. Но до собора было еще 12 лет. И все это время продолжалось обсуждение проблемы литургического языка в церковных собраниях и в печати. При этом нужно отметить, что с самого начала XX века, в сравнении с XIX веком, гораздо чаще и смелее высказывалась мысль о необходимости введения русского языка в богослужение.

Именно подобное предложение составляет наиважнейшую часть истории дискуссии о богослужебном языке в начале XX века, поскольку неудовлетворительное состояние славянского текста наличных богослужебных книг признавалось таковым внушительной частью клира, и уже в Предсоборный период церковной властью были сделаны конкретные (довольно плодотворные) шаги по улучшению славянского текста

Уже в 1907 г. высшей церковной властью было вновь возобновлено приостановленное в конце XIX века дело исправления богослужебных книг. Для этого была образована специальная Комиссия под председательством архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского). Эта Комиссия трудилась вплоть до Собора 1917-1918 гг. К весне 1909г. ею был исправлен текст Постной Триоди, к 1911 – Пентикостариона, в 1915г. завершено исправление Октоиха, в 1916 – Праздничной Минеи. В январе 1917г. Комиссия завершила исправление сентябрьской Минеи и незамедлительно

приступила к правке октябрьской¹¹². Именно деятельность Комиссии положило начало возрождению в XX веке церковной sprawy, которое обещало дать наконец-то ощутимые плоды.

Также следует отметить, что с самого начала XX столетия продолжали в изобилии появляться уже давно ставшие традиционными вспомогательные переводы богослужебных текстов на русский язык. Традиция таких «пояснительных» русских переводов, предназначенных для домашнего, учебного употребления мирянами, существовала и развивалась. Из переводчиков тех лет можно выделить: А.Н. Ушакова, В. Успенского, Н. Нахимова, П.П. Мироносицкого, Н.И. Кедрова, М. Григорьевского, М.И. Скабаллановича и других.

Вернемся теперь к основному предмету нашего дальнейшего исследования, – к предложениям использовать русский язык в качестве богослужебного и к описанию дальнейшей судьбы этих предложений. Прежде всего, необходимо сказать, что этот вопрос, Предсоборная дискуссия по нему и обсуждение на Поместном Соборе 1917-1918гг. самым тщательным образом был исследован и описан в не раз упомянутой работе о. Николая Балашова. Мы, разумеется, не будем повторять содержащееся в ней детальное описание хода предсоборной дискуссии и обсуждения проблемы литургического языка на Поместном Соборе. Но в общем лишь пунктирно обозначая развитие дискуссии в этот период, основываясь именно на этом исследовании, а также прибегая к иным источникам, к которым нашли своё отражение интересующие нас вопросы.

В то время, как некоторые из архиереев в своих Отзывах предлагали вводить в богослужение русский язык, такие же предложения были одобрены на епархиальных съездах в Пскове (1905), Оренбурге (1906), Харбине и еще нескольких епархиях¹¹³.

На Вятском епархиальном собрании (1906г.) сельский священник

¹¹² См. Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 194.

¹¹³ Там же. С. 32.

Михаил Елабужский говорил: «Не только простые богомольцы, но даже мы, духовные, несмотря на специальную подготовку к славянскому чтению и постоянную практику, многого не понимаем в богослужении... Мы глубоко убеждены, что необходимо перевести богослужение наше на приличный и доступный молящимся русский язык, в соответствии словам ап. Павла: "В церкви хочу лучше пять слов сказать умом своим, нежели тьму слов на незнакомом языке" (I Кор. 14,19)». Пятеро священников и восемь мирян (в основном крестьяне) поддержали докладчика. За сохранение церковнославянского в богослужении выступили двое священников и трое мирян. Трое священников предложили компромиссный вариант «новославянского» языка. Сошлись, однако, на формулировке: «Употребление богослужебных книг на русском языке поставить в зависимость от желания прихожан». Этот принцип нашел свое отражение впоследствии в итоговых документах богослужебного отдела Поместного Собора 1917-1918гг.

На епархиальном съезде Костромского духовенства в том же 1906 г. также обсуждался вопрос «о пользе перевода богослужебных книг на русский язык и разрешения совершать богослужение на русском языке в тех церквах, в коих последует согласие и желание прихожан»¹¹⁴. Но здесь собрание признало достаточным исправление славянского текста богослужебных книг и издание их перевода на русский язык для домашнего, а не церковного употребления.

Подобное же предложение было принято на епархиальном съезде в Симбирске (1908г.). Однако местное духовенство еще пожелало «чтобы некоторые части богослужения позволено было совершать на русском языке в тех приходах, в которых от этого не произойдет соблазна»¹¹⁵.

Звучали предложения о введении русского языка в богослужение на епархиальном съезде Полоцкой епархии в Витебске и на собрании

¹¹⁴ Православное богословие. Переводы Богослужебных книг. - Режим доступа: <http://azbyka.ru/bogosluzhenie/>

¹¹⁵ Там же.

духовенства Гродненской епархии в Красностоке.

Обсуждался вопрос о русском богослужебном языке и в столице. На четырех пастырских собраниях, проходивших в Санкт-Петербурге в 1906 г. по этому вопросу среди прочих высказались такие авторитетные личности как первоприсутствующий член Св. Синода митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский): «Что касается вопроса о переводе богослужения на русский язык, то я принципиально не против перевода, и, может быть, это будет сделано, но на это дело потребуется много лет, а применить к практике его возможно будет разве лишь в отдаленном будущем (одновременно с богослужением на славянском языке)»¹¹⁶. Высказал своё мнение и будущий протопресвитер военного и морского духовенства прот. Георгий Шавельский: «Теперь ощущается необыкновенно сильная потребность в том, чтобы каждое слово богослужения было понятно. Этого желают, этого ждут верующие... Что нужно сделать для этого: ввести ли в богослужение русский язык или ограничиться раздачей молящимся книжечек с переводом и пояснениями богослужений, или сделать еще что-либо, я не берусь указывать»¹¹⁷.

Созванное в 1906 г. для подготовки к собору Предсоборное Присутствие отклонило от себя обсуждение вопросов богослужения виду их сложности и отложило дело до завершения переустройства нашего церковного управления. Однако и здесь вопрос о языке богослужения не остался в стороне. Один из участников заседаний Предсоборного Присутствия заявил: «Если богослужебный, во многом непонятный для народа славянский язык не будет настолько упрощен, чтобы его все понимали – общее недовольство сектантов Православною Церковью будет

¹¹⁶ Цит. по Шайцан В. История дискуссии о богослужебном языке Русской Церкви в начале XX века - предсоборный период. - Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/theology/44737.php>

¹¹⁷ Там же.

всегда существовать, отпадения от неё недовольных будут продолжаться»¹¹⁸.

Инициаторами возбуждения на съездах и собраниях вопроса о богослужебном языке чаще всего становились священники и миряне, занятые миссионерским служением. Они острее других сознавали, какой урон наносит непонятность богослужения успеху православной миссии. Новые политические условия принесли инославным христианам значительно большую свободу в их проповеднической деятельности. Православные же миссионеры лишились возможности опираться на привычную для многих из них поддержку государственной власти в борьбе с сектантством и расколом. Они считали, что Церковь должна в этой новой для нее ситуации «конкурентной борьбы» подумать об эффективности своих усилий и прислушаться к пожеланиям народа.

Так, по вопросу необходимости обновления богослужебного языка высказывались миссионеры на съезде духовенства в местечке Богуславе, Каневского уезда (1905), на миссионерском съезде в Одессе (1905), на епархиальном миссионерском съезде в Тамбове (1906), на пастырском собрании в Самаре (1908). Даже самый консервативный по своему направлению в предреволюционное время IV Всероссийский миссионерский съезд в Киеве (1908), проходивший под председательством архиеп. Волынского Антония (Храповицкого), предлагал приблизить к пониманию народа церковно-богослужебный язык, употребляемый в Православной Церкви.

Московское Общество любителей духовного просвещения, традиционно равнодушное к проблеме языка богослужения в XIX веке, обратилось к этой теме и в описываемый период. В 1910 г. в собрании Общества обсуждался реферат преподавателя МДС Н.И. Кедрова, предлагавшего совершение богослужения на русском языке¹¹⁹. Кстати, член

¹¹⁸ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 38-39.

¹¹⁹ Реферат преподавателя духовной семинарии Н.И. Кедрова // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1910. - №5-6. - С. 379.

того же Общества свящ. Н. Лебедев сообщил, что уже давно пользуется в храме русскими переводами некоторых богослужебных текстов, а также заменяет русскими отдельные непонятные слова в славянском тексте молитв по примеру известного московского подвижника протоиерея Валентина Амфитеатрова, и что «фонетическое чувство у народа нисколько не оскорбляется» при этом¹²⁰. Также поступают и еще двое соседей-священников, – сообщил о. Николай Лебедев. Н. Балашов в связи с этим пишет: «Встречаются и другие сообщения о практических опытах частичного употребления русского языка в церковном богослужении (чаще всего при чтении Св. Писания), предпринимавшихся в предсоборный период и даже ещё в XIX веке. Их инициаторы – как правило, сельские священники – сообщали о положительном восприятии таких нововведений со стороны своих прихожан»¹²¹. Напомним, что примерно в это же время «выдающиеся и праведные пастыри протоиереи Иоанн Кронштадтский (считал необходимым читать псалмы на общей исповеди сначала по-славянски, потом по-русски), Валентин Амфитеатров и Алексей Мечев начали использовать русский язык в богослужении или при чтении Писания»¹²². «По-видимому, - продолжает о. Н. Балашов,- практика частичной русификации богослужебных текстов и литургических возгласов была довольно распространенной в последние годы перед революцией. Нам удалось обнаружить только один пример отрицательной реакции на нее»¹²³.

Ярким свидетельством распространенности этой практики является пример сельского священника Самарской епархии Николая Пономарева, описанный им в местных «Епархиальных ведомостях». Отец Николай, «желая достигнуть того, чтобы прихожане "едиными устами и единым

¹²⁰ Реферат преподавателя духовой семинарии Н.И. Кедрова // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1910. – №5-6. – С. 379.

¹²¹ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 41.

¹²² Котт В. «Мы бережем золотник, а теряем пуд». Очерк истории русского богослужебного языка // Православная община. - 2000. - №56 (2). - С. 49.

¹²³ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 41.

сердцем" славили Бога»¹²⁴ ввел на своем приходе чтение по-русски 33-го псалма, шестопсалмия, кафизм, канона на всенощном бдении, первого часа и Апостола на литургии. По словам этого священника, русское чтение было горячо одобрено как крестьянами, составляющими его приход, так и «заезжими интеллигентами» и соседними священниками. В 1911 году о. Николай Пономарев доложил об этой новой практике своему епископу и владыка Константин (Булычев), учитывая добрые отклики членов прихода, благословил продолжать употребление русского языка в богослужении.

Наконец, можно упомянуть, что уже на поместном Соборе 1917-1918гг. ещё один сельский священник, Александр Секундов (из Черниговской епархии) сообщал о своей практике чтения за богослужением Апостола и Евангелия на русском языке и отмечал: «Это производит сильное впечатление на народ. К нам приходят богомольцы и из других приходов и бывают очень удовлетворены тем, что понимают богослужение»¹²⁵.

В последние предреволюционные годы дискуссия о богослужебном языке в церковных собраниях и на епархиальных съездах оживилась в связи с предстоящим созывом долгожданного Поместного Собора.

В 1916 году Елисаветовское пастырское собрание Донской епархии внесло предложение ввести в употребление в церковном богослужении русский язык, вместо славянского, но предварительно нужно пересмотреть и исправить во всех богослужебных книгах и песнопениях совершенно непонятные славянские выражения и дать такую расстановку слов, чтобы получился надлежащий смысл, и предоставить право пастырям вводить совершение церковных служб на русском языке, где это будет найдено применимым.

В следующем, 1917 году съезд духовенства и мирян той же Донской епархии принял следующую резолюцию: «Стремясь придать

¹²⁴ Пономарев П., свящ. О церковно-богослужебном языке // Самарские епархиальные ведомости. - 1912. - №23. - С. 692-696.

¹²⁵ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 43.

богослужению... целесообразный - учительный характер, Съезд признает неотложным реформирование языка богослужения в том смысле, чтобы он был в возможной степени упрощен, приближен к родному русскому языку»¹²⁶.

Курский епархиальный съезд пожелал высказался упрощение церковно-богослужебного славянского язык и предложил читать паремии, псалмы, Апостол и Евангелие, где пожелают прихожане, на русском языке.

Члены Новгородского съезда пришли к следующему выводу: «В целях большего влияния церковного богослужения на душу верующих, в целях противодействия сектантским богослужебным собраниям, необходимо, чтобы в Православной Русской Церкви, согласно указанию ап. Павла (1 Кор. 14, 19), все совершалось на понятном языке. Таким языком, безусловно, должен быть признан не так называемый славянский, вернее древнеболгарский, а наш родной русский язык...»¹²⁷.

На епархиальном съезде во Владивостоке вопрос о языке богослужения обсуждался неоднократно. В итоге, после оживленного обмена мнениями и целого ряда обстоятельных речей принята резолюция с пожеланием чтобы богослужебным языком остался по-прежнему церковнославянский, но с необходимыми для понимания изменениями и исправлениями.

На Вологодском епархиальном съезде духовенства и мирян было высказано пожелание, чтобы богослужение совершалось на национальном русском языке. Однако съезд проголосовал за реформу богослужебного языка (44 голоса против 10), но против замены славянского языка русским, предпочтя обновление славянского текста¹²⁸. За сохранение славянского языка в богослужении высказался и Калужский епархиальный съезд.

Оживленно обсуждалась тема использования родного языка в

¹²⁶ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 20.

¹²⁷ Там же. - С. 121.

¹²⁸ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 122.

богослужении на Украине, хотя, конечно, не без влияния общей политической атмосферы, в которой доминировали национальные мотивы.

В Бессарабии, где уже и раньше совершалось богослужение на молдавском языке, в 1916 г. на епархиальном съезде по делам внутренней миссии было принято предложение епископа Анастасия (Грибановского) совершать богослужение преимущественно на молдавском языке. А в 1917 г. Кишиневский епархиальный съезд, проходивший под председательством того же епископа Анастасия, постановил: «Богослужение, церковное чтение и пение в кафедральном соборе, в церкви архиерейского дома митрополии, во всех церквях главного областного города, во всех приходах со смешанным составом населения, – при наличии молдаван, – совершается обязательно на языках церковнославянском и церковномолдавском. Во всех приходах Бессарабии, населенных исключительно молдавским населением, богослужение, церковное чтение и пение совершается на молдавском языке»¹²⁹.

Все вышеуказанные съезды привели к тому, что всероссийский съезд духовенства и мирян (1917г.) предложил предстоящему Собору включить в свою программу вопросы богослужебного свойства (о русском языке, о книгах и т.п.).

В церковной печати тех лет вопрос о допущении русского языка в богослужение обсуждался отнюдь не меньше, чем в различного рода собраниях и церковных совещаниях. Многочисленные публикации на эту тему в период с 1905 г. по 1917 г. наглядно показывают, насколько широк был круг участников этой действительно соборной дискуссии начала XX века, включавшей не только священников и мирян столицы и других крупных городов, но и жителей российской глубинки, включая окраины империи. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, насколько насущным и важным уже в начале XX века представлялся до того не разрешенный

¹²⁹ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 124.

вопрос литургического языка и понимания литургических текстов.

Церковная периодика 1905-1917 годов дает наиболее полное представление о полемике вокруг богослужебного языка. На страницах предсоборной церковной периодики, немалая часть публикаций, так или иначе затрагивала тему литургического языка. При этом, более половины высказывающихся на страницах периодических церковных изданий в той или иной форме говорили о необходимости полного или частичного перевода литургии на русский язык.

Стоит отметить лишь несколько публикаций на эту тему. Наиболее интересной представляется дискуссия по данному вопросу, развернувшаяся в 1906 году на страницах столичного «Церковного вестника» – полемика между священником из Ростова-на-Дону Александром Лиховицким, выступавшим за перевод богослужения на русский язык, и профессором СПбДА по кафедре церковной археологии Н.В. Покровским, отстаивавшим достоинства церковнославянского языка. Отметим и обмен мнений убежденного сторонника богослужения на русском языке священника самарской епархии Сергия Самуилова¹³⁰, и возражавшего ему со страниц «Церковных ведомостей» заслуженного профессора гомилетики КДА В.Ф. Певницкого¹³¹; и священника Дмитрия Силина, поместившего, в свою очередь, критический разбор статьи В.Ф. Певницкого в «Богословском вестнике»¹³² и тоже выступавшего за употребление русского языка при богослужении. Можно назвать ещё публикации свящ. Д. Ахматова «К вопросу о замене богослужебного церковнославянского языка русским»¹³³. Г.А. Соколова «В защиту церковнославянского языка»¹³⁴ и многие, многие

¹³⁰ Самуилов С., свящ. О богослужении на русском языке // Миссионерское обозрение. - 1907. - №9. - С. 1337-1342.

¹³¹ Певницкий В.Ф. О церковно-богослужебном языке // Прибавления к Церковным ведомостям. - 1908. - №26. - С. 1217-1219.

¹³² Силин Д., свящ. Печальное недоразумение. (По вопросу о церковно-богослужебном языке). // Богословский вестник. - 1910. - №7-8. - С. 493-504.

¹³³ Ахматов Д., свящ. К вопросу о замене богослужебного церковнославянского языка русским // Миссионерское обозрение. 1911. №1. С.13-29.

¹³⁴ Соколов Г.А. В защиту церковнославянского языка. Астрахань, 1910.

другие.

Из наиболее известных и авторитетных участников этой предсоборной дискуссии в печати, выступавших за русификацию богослужения, назовем будущего московского священномученика протоиерея Александра Хотовицкого, известного столичного публициста из «Нового времени», литературного критика Н.А. Энгельгардта, епископа Уфимского Андрея (Ухтомского), известного киевского священника и духовного писателя о. Стефана Остроумова, опытного петербургского миссионера, а впоследствии профессора и духовника МДА Дмитрия Боголюбова, профессора КДА В.И. Экземплярского, протоиерея Александра Устьянского – друга и многолетнего корреспондента В.В. Розанова.

Среди же противников богослужебного использования русского языка в печати выступили в предсоборный период «столп церковного и политического консерватизма» К.П. Победоносцев, упомянутые уже профессор КДА В.Ф. Певницкий и профессор СПбДА Н.В. Покровский, известный духовный писатель архиепископ Никон (Рождественский), епископ Прилуцкий – впоследствии священномученик – Сильвестр (Ольшевский), также будущий священномученик, – епископ Пермский Андроник (Никольский), епископ Оренбургский Мефодий (Герасимов).

Необходимо признать, что в ходе двенадцатилетнего обсуждения вопроса о богослужебном языке в печати и в церковных собраниях основные доводы, как сторонников, так и противников русского языка были достаточно четко сформулированы и всесторонне осмыслены общецерковным сознанием, благодаря чему почва для обсуждения вопроса на Поместном Соборе была подготовлена основательно.

Свое продолжение вопрос о богослужебном языке Православной Российской Церкви нашел в работе Предсоборного Совета, который должен был сформулировать основные положения, выносящиеся для решения Поместным Собором. Уже на первом заседании IV отдела Предсоборного Совета (по делам веры и богослужения, о единоверии и старообрядчестве) к

числу важнейших тем предстоящего обсуждения на Соборе был отнесен вопрос о совершении богослужения на малороссийском и русском языках. Подготовить соответствующий доклад было поручено профессору КДА П.П. Кудрявцеву. На заседании указанного Отдела 10 июля 1917 года проф. Кудрявцев прочитал свой доклад о допущении русского и др. народных языков в богослужение¹³⁵. Высказываясь за принципиальную допустимость русского или украинского языков в богослужении, докладчик в то же время не склонен был недооценивать серьезные трудности, с которыми неизбежно столкнется практическое осуществление такой реформы. Но все-таки ключевым мотивом доклада Кудрявцева был призыв к литургическому творчеству, приумножению, а не только сохранению литургического наследия и уверенность в том, что обновление литургического языка вполне возможно без нарушения основного стиля и оскорбления самых чутких религиозных душ»¹³⁶.

Председатель VI отдела архиепископ Волынский и Житомирский Евлогий (Георгиевский) отметил всесторонность доклада Кудрявцева, выделяя его ключевые стороны, и предложил обменяться мнениями по предмету доклада.

Первым выступил со своим докладом будущий священномученик Андроник (Никольский), епископ Пермский. Он высказался принципиально против перехода на русский язык в богослужении, но «оказался тому и единственным оппонентом»¹³⁷. Владыка Андроник, в обычном для сторонников славянского языка духе, указывал в основном на препятствия эстетического характера – однако, в отличие от Кудрявцева, считал эти препятствия непреодолимыми. Кроме того, он полагал, что перевод

¹³⁵ Священный Собор Православной Российской Церкви. Из материалов отдела о богослужении, проповедничестве и храме // Богословские труды. - 1998. - №34. - С. 258.

¹³⁶ Священный Собор Православной Российской Церкви. Из материалов отдела о богослужении, проповедничестве и храме // Богословские труды. - 1998. - №34. - С. 260.

¹³⁷ Котт В. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. о церковно-богослужебном языке: Предыстория, документы и комментарии // Язык Церкви: Материалы международной богословской конференции. - Москва, 22-24 сентября 1998 г. - С. 108.

богослужения на русский язык может привести даже к новому и сильнейшему старому расколу.

Кроме епископа Андроника в прениях по докладу Кудрявцева в Предсоборном Совете высказалось еще 11 ораторов: председатель VI отдела архиеп. Волынский Евлогий, пять членов Св. Синода (из девяти) – председатель Предсоборного Совета архиеп. Сергей (Страгородский), архиеп. Платон (Рождественский), епископ Андрей (Ухтомский), прот. Ф.Д. Филоненко и профессор СПбДА прот. А.П. Рождественский, далее избранный от единоверцев прот. Симон Шлеев (впоследствии епископ Уфимский, священномученик), выдающийся востоковед и литургист проф. Тураев, проф. МДА И.М. Громогласов, миссионер Д.И. Боголюбов, а также делопроизводитель отдела Н.М. Гринякин. Никто из выступавших не разделял мнения преосвященного Андроника, все они более или менее определенно высказались в пользу допущения переводов богослужения на национальные языки¹³⁸. В завершение заседания отделом были «единогласно, за исключением епископа Андроника», который «подал голос за перевод церковных книг лишь для домашнего употребления»¹³⁹ приняты тезисы доклада Кудрявцева о церковно-богослужебном языке, в дальнейшем ставшие основой соборного решения.

Подводя итоги предсоборной дискуссии о богослужебном использовании русского языка можно отметить, что чаще всего подобные предложения русификации богослужения исходили от сельских и вообще провинциальных священников и от епархиальных миссионеров. Возможно, причина этого в том, что приходские священники ближе архиереев стояли к своей пастве, потому ещё острее переживали непонятность для народа совершаемого ими богослужения. Что касается миссионеров, то они, как уже было указано, в русскоязычном православном богослужении видели

¹³⁸ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 130.

¹³⁹ Священный Собор Православной Российской Церкви. Из материалов отдела о богослужении, проповедничестве и храме // Богословские труды. 1998. №34.С.262.

очевидное средство противодействия распространению сектантства и усиления эффективности внутренней миссии. На некоторых съездах или собраниях духовенства и мирян такие предложения поддерживались большинством. Более того, некоторые епископы были с этим вполне согласны и сами, исходя из пастырских соображений, предлагали разрешить совершение богослужения на русском языке – полностью или частично.

Возражения против литургического употребления русского языка основывались, главным образом, на эстетических соображениях, ибо с этих позиций церковнославянский язык казался его защитникам более достойным богослужебного употребления и способным отвлечь сознание молящихся от повседневной жизни, по сравнению с русским. Кроме этого, сторонники славянского языка, указывали на возможные практические трудности создания русского литургического перевода и опасались нового раскола.

Сторонники допущения в богослужении русского языка, подходя к проблеме с пастырских позиций, придавали приоритетное значение дидактическому воздействию богослужения. Учитывая соображения противоположной стороны, они предлагали четкие и продуманные программы действий. Эти программы касались как методики перевода, так и практического проведения «литургической» реформы.

Продолжительная предсоборная дискуссия не только ещё раз показала очевидную для самых разных слоев церковного общества актуальность проблемы понимания богослужебных текстов, но и имела своими плодами, как видим, конкретные предложения и варианты решения этой проблемы, что впоследствии помогло вынести зрелое соборное суждение по этому вопросу, учитывающее практически все точки зрения.

2.2. Поместный Собор 1917-1918 гг. о языке богослужения

На открывшемся 15 августа 1917 года Всероссийском Поместном Соборе было образовано 23 отдела, видное место среди которых занял Отдел

о богослужении, проповедничестве и храме. Председателем этого отдела был избран архиепископ Евлогий (Георгиевский). Уже «на первом заседании отдела архиепископ Евлогий подчеркнул необходимость преемственности в трудах отдела с Предсоборным присутствием, совещанием и советом, как то подчеркивалось ещё на заседаниях Собора, обсуждавших порядок образования отделов»¹⁴⁰.

На втором заседании отдела архиепископ Евлогий, выступая с программной речью о задачах предстоящих трудов, сказал: «Открытое в богослужении великое богатство его духовного содержания в весьма значительной степени удалено от верующего сердца. Мне кажется, что задача работ нашего Отдела и должна именно состоять в том, чтобы приблизить к пониманию верующих содержание христианского богослужения, сделать его дорогим достоянием сердца, облегчить путь, через который свободно вливались бы в душу христианина его благодатные струи. Имеет большое значение и самый текст и язык богослужения. Возникает вопрос об исправлении церковно-богослужебного текста, а также о приближении его к нашей родной речи, о возможности перевода священно-богослужебных книг на русский язык»¹⁴¹.

Для разработки вопроса о богослужебном языке был учрежден специальный Подотдел, который возглавил епископ Оренбургский Мефодий (Герасимов) – «принципиальный и решительный противник перевода богослужения на русский язык, заявивший: "Для меня лучше смерть, чем лишение славянского богослужения"»¹⁴². Подотдел работал с 9 по 26 сентября 1917 г. и провел за это время пять заседаний. На каждом из них

¹⁴⁰ Котт В. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. о церковно-богослужебном языке: Предыстория, документы и комментарии // Язык Церкви: Материалы международной богословской конференции. - Москва, 22-24 сентября 1998 г. - С.110.

¹⁴¹ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 134-135.

¹⁴² Котт В. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. о церковно-богослужебном языке: Предыстория, документы и комментарии // Язык Церкви: Материалы международной богословской конференции. - Москва, 22-24 сентября 1998 г. - С.110.

присутствовало от 11 до 17 членов Собора. На первом заседании был оглашен протокол VI отдела Предсоборного Совета от 10 июля и принятые тезисы, а также доклады епископа Пермского Андроника (Никольского) и епископа Омского и Павлодарского Сильвестра (Ольшевского) – ещё одного убежденного противника богослужебного употребления русского языка. Прения продолжались и на последующих заседаниях подотдела. В ходе дискуссии были повторно заслушаны и протокол Предсоборного Совета, и доклад проф. Кудрявцева, представленный в Предсоборном Совете, и зачитанный на первом заседании подотдела доклад епископа Сильвестра. «В общей сложности на заседаниях подотдела прозвучало 54 выступления (в том числе семь заранее подготовленных докладов) 39 участников. Из числа выступавших 20 высказались за литургическое употребление русского и украинского языков, 16 – против, позиция троих осталась не вполне определенной»¹⁴³.

За допущение русского языка в богослужении выступали председатель соборного Отдела о богослужении, проповедничестве и храме архиепископ Евлогий (Георгиевский), протоиереи Николай Брянцев, Терентий Теодорович, Александр Хотовицкий, священники П.М. Ильинский, М.С. Елабужский, П. Ратьковский, миряне П.В. Попович (секретарь подотдела), И.В. Фигуровский, Н.И. Знамировский (впоследствии епископ Стефан), А.В. Новосельский, Н.И. Кедров, профессора Б.А. Тураев и П.П. Кудрявцев.

Из выступавших на заседаниях подотдела убежденных противников введения русского языка в богослужение кроме упомянутых уже епископов Андроника, Мефодия и Сильвестра, назовем ещё архиепископа Ставропольского Агафодора (Преображенского), профессора литургики КДА священника В. Прилуцкого, священника А. Пономарева, миряне В.К. Лебедев, Н.И. Троицкий, генерал Л.К. Артамонов.

На четвертом заседании подотдела, по окончании прений, на основе

¹⁴³ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 135.

предложений Предсоборного совета были выработаны и поставлены архиепископом Евлогием на голосование девять тезисов, которые в основном совпадают с девятью первыми пунктами окончательного варианта доклада Отдела Собору. Эти тезисы были приняты «значительным большинством»¹⁴⁴. На следующем, последнем заседании подотдела текст доклада был незначительно уточнен и дополнен. Для представления выработанного подотделом доклада в Отделе о богослужении, проповедничестве и храме был единогласно избран проф. П.П. Кудрявцев. Вот как оценивает тоги работы подотдела о богослужебном языке протоиерей Н. Балашов: «По итогам обсуждения были приняты тезисы доклада Собору, составленные на основе предложений Предсоборного совета. Замечательно, что в итоге были учтены практически все представленные в подотделе точки зрения, за исключением самых крайних. Сравнивая тезисы, выработанные в соборном подотделе, с подготовительными материалами Предсоборного совета, нетрудно заметить признаки усиления консервативных настроений. На первый план вышло утверждение о славянском как основном богослужебном языке»¹⁴⁵. Литургическое употребление русского языка по-прежнему допускалось, но с некоторыми дополнительными оговорками.

При рассмотрении вопроса в отделе Предсоборного совета против богослужения на русском языке выступал один лишь владыка Андроник. В соборном подотделе ревнители церковнославянского языка если и оставались в меньшинстве, то были все же достаточно многочисленны. И представители большинства пошли, думается, по единственно верному пути, стремясь не к использованию численного перевеса, а к максимальному сближению позиций. Тем самым, фактически были признаны главные принципы непринудительной реформы богослужебного языка на основе «новообрядного единоверия», которые предлагались многими участниками

¹⁴⁴ Священный Собор Православной Российской Церкви. Из материалов отдела о богослужении, проповедничестве и храме // Богословские труды. 1998. №34.С.273.

¹⁴⁵ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 135-136.

предшествовавшей Собору дискуссии.

Подготовленный подотделом доклад «О церковно-богослужебном языке» должен был рассматриваться уже во время третьей сессии Собора на 40-м заседании отдела О богослужении, которое состоялось 25 июля 1918 г. Однако слушание было отложено из-за отсутствия председателя подотдела епископа Оренбургского Мефодия, не прибывшего на заседание, вероятно, по условиям гражданской войны. Не было на этом и последующих заседаниях и председателя Отдела о богослужении архиепископа Евлогия (он участвовал только в первой сессии Собора) и избранного докладчиком Кудрявцева. На 40-м заседании Отдела состоялось лишь небольшое обсуждение, в результате которого А.В. Новосельскому, принимавшему участие в работе подотдела, было поручено «подготовить доклад, излагающий историю обсуждения проблемы литургического языка на Соборе»¹⁴⁶ который бы систематизировал всё сделанное Подотделом.

На заседании 5 августа при участии 40 членов Отдела доклад Новосельского был заслушан. После краткой дискуссии участники заседания согласились, что нет смысла заново обсуждать вопрос по существу и можно переходить к постатейному чтению тезисов с последующим голосованием («и сторонники, и противники допущения в церковную службу русского языка сошлись на том, что добавить к сказанному ранее нечего»¹⁴⁷). Однако по предложениям ряда участников голосование было отсрочено на неделю, чтобы размножить тезисы и представить новым членам Отдела возможность лучше с ними ознакомиться. Наконец, на 44-м заседании Отдела (12 августа 1918г.) был окончательно принят довольно сбалансированный документ следующего содержания:

Священному Собору Православной Российской Церкви Доклад Отдела О богослужении, проповедничестве и храме «О церковно-богослужебном

¹⁴⁶ Священный Собор Православной Российской Церкви. Из материалов отдела о богослужении, проповедничестве и храме // Богословские труды. - 1998. - №34. - С. 256.

¹⁴⁷ Священный Собор Православной Российской Церкви. Из материалов отдела о богослужении, проповедничестве и храме // Богословские труды. - 1998. - №34. - С. 274.

языке»:

1. Славянский язык в богослужении есть великое священное достояние нашей родной церковной старины, и потому он должен сохраняться и поддерживаться как основой язык нашего богослужения.

2. В целях приближения нашего церковного богослужения к пониманию простого народа признаются права общерусского или малороссийского языков для богослужебного употребления.

3. Немедленная и повсеместная замена церковнославянского языка в богослужении общерусским или малороссийским нежелательна и неосуществима.

4. Частичное применение общерусского или малороссийского языка в богослужении (чтение Слова Божия, отдельные песнопения, молитвы, замена отдельных слов и речений и т.п.) для достижения более вразумительного понимания богослужения при одобрении сего церковной властью желательно и в настоящее время.

5. Заявление какого-либо прихода о желании слушать богослужение на общерусском или малороссийском языке в меру возможности подлежит удовлетворению по одобрении перевода церковной властью.

6. Святое Евангелие в таких случаях читается на двух языках: славянском и русском или малороссийском.

7. Необходимо немедленно образовать при Высшем Церковном Управлении особую комиссию как для упрощения и исправления церковнославянского текста богослужебных книг, так и для перевода богослужений на общерусский или малороссийский и на иные употребляемые в Русской Церкви языки, причем комиссия должна принимать на рассмотрение как уже существующие опыты подобных переводов, так и вновь появляющиеся.

8. Высшее Церковное Управление неотлагательно должно озаботиться изданием богослужебных книг на параллельных языках славянском, общерусском или малороссийском и иных, употребляемых в

Православной Русской Церкви языках, а также изданием таковых же отдельных книжек с избранными церковно-богослужебными молитвословиями и песнопениями.

9. Необходимо принять меры к широкому ознакомлению с церковнославянским языком богослужения как через изучение в школах, так и путем разучивания церковных песнопений с прихожанами для общего церковного пения.

10. Употребление церковно-народных стихов, гимнов на русском и иных языках на внебогослужебных беседах по одобренным церковною властью сборникам признается полезным и желательным¹⁴⁸.

Далее текст доклада, по установленному порядку, передали в Соборный совет. Соборный совет заслушал этот доклад 11 сентября 1918 г. и постановил предложить Собору передать настоящий доклад на разрешение Соединения Епископов. Уже на следующий день (12 сентября) на своём 163-ем общем заседании Священный Собор утвердил это предложение Соборного совета и, не рассматривая доклад по существу и не обсуждая его в своем общем заседании, передал его, во исполнение своего постановления на разрешение Соединения епископов, в состав которого входили все присутствующие архиереи.

Здесь необходимо указать причины, которые воспрепятствовали обсуждению доклада в общем заседании Собора. Вот что пишет по этому поводу о. Н. Балашов: «Времени для его (доклада «О церковно-богослужебном языке») обсуждения в общем заседании Собора уже не оставалось. Обстоятельства заставляли прекратить соборную сессию – на её продолжение попросту не было средств. Банковские счета Церкви были арестованы ещё зимой, а теперь было захвачено представителями советской власти и здание семинарии, где размещалось общежитие соборян, вывезены

¹⁴⁸ Священный Собор Православной Российской Церкви. Из материалов отдела о богослужении, проповедничестве и храме // Богословские труды. - 1998. - №34. - С. 274-275.

заготовленные для них продукты»¹⁴⁹. Таким образом, целый ряд докладов, подготовленных соборными отделами, рассмотреть на этой оборвавшейся сессии не удалось.

В. Котт замечает и другие причины того, что доклад «О церковно-богослужебном языке» не обсуждался в общем заседании Собора. «В вероучительном и каноническом смысле документ не содержит ничего нового. Он лишь даёт возможность церковному управлению лучше ориентироваться в этой проблеме, даёт рекомендации и лучшие пути действия в этой конкретной ситуации. Поэтому Соборный совет – руководящий орган Собора – и предложил Собору на общем заседании вынести постановление о передаче документа сразу на разрешение епископского совещания. Также и сам вопрос был болезненным для многих участников на соборе»¹⁵⁰. И поэтому постатейное обсуждение его на общем заседании всеми участниками могло привести к нежелательному накалу эмоций. Этого не следовало допускать, к тому же вся аргументация и «за» и «против» была известна и обсуждение могло двигаться по замкнутому кругу. Последнее уже случалось во время обсуждения этого вопроса в подотделе и отделе, когда некоторые участники выступали по несколько раз с одной и той же аргументацией, и поэтому прения были прекращены, так как "добавить к сказанному ранее нечего".

Надо сказать, что возможность насильственного закрытия Собора советской властью была предусмотрена соборянами ещё зимой 1918г. Так, 31 января 1918г. Собором было постановлено: «В случае создавшейся для Собора необходимости приостановить свои занятия ранее выполнения всех намеченных задач, представить Высшему Церковному Управлению вводить выработанные Отделами и нерассмотренные Собором предначертания в

¹⁴⁹ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 155.

¹⁵⁰ Котт В. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. о церковно-богослужебном языке: Предыстория, документы и комментарии // Язык Церкви: Материалы международной богословской конференции. - Москва, 22-24 сентября 1998 г. - С. 113-114.

жизнь по мере надобности полностью или в частях, повсеместно или в некоторых епархиях»¹⁵¹. Такое решение было вынесено в силу складывающихся обстоятельств, при этом, Собор рассчитывал вновь вернуться к этому вопросу при улучшении ситуации в стране.

В соответствии с этим постановлением, на последнем 170-ом общем соборном заседании 20 сентября 1918г. также было решено «уполномочить Соборный совет все доклады, которые останутся нерассмотренными Собором, препроводить на разрешение Высшего церковного управления, а сему управлению предоставить, по бывшим примерам, вводить выработанные отделами предначертания в жизнь по мере надобности полностью или в частях, повсеместно или в некоторых епархиях»¹⁵².

Но прежде, как видим, доклад должен был быть рассмотрен Совещанием епископов. И проходившее 22 сентября 1918 г. в кельях Высокопетровского монастыря Совещание епископов, на котором председательствовал Святейший Патриарх Тихон и присутствовал 31 епископ, заслушало доклад «О церковно-богослужебном языке» и «постановило: доклад этот передать Высшему Церковному Управлению»¹⁵³. Этот доклад был соответствующим образом подготовлен и 15 октября 1918 г. препровожден на разрешение в ВЦУ и представлен в Священный Синод. Такая передача доклада Высшему Церковному Управлению означала, что он может быть проведен в жизнь без обсуждения на общем заседании.

Таким образом, Святейший Патриарх и Св. Синод по своему усмотрению и по мере надобности могли вводить это соборное предначертание в жизнь полностью или частично, повсеместно или в некоторых епархиях, что и было позже осуществлено на практике неоднократно.

¹⁵¹ Кравецкий А.Г. Проблема богослужебного языка на Соборе 1917-1918 годов и в последующие десятилетия // ЖМП. - 1994. - №.2. - С. 71.

¹⁵² Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 157.

¹⁵³ Богослужебный язык Русской Церкви: История. Попытки реформации. М.:Издание Сретенского монастыря, 1999. – С. 142.

В этой связи необходимо подробно остановиться на обсуждении интересующего нас вопроса на Соборе и выработке по нему Собором итогового документа в связи с тем, что некоторые современные противники «воцерковления» русского языка, подвергая сомнению саму допустимость использования русского языка в богослужении ссылаются при этом, как не странно, и на Собор 1917-1918 гг. утверждает, например, что «Соборного решения о допустимости использования русского языка в богослужении не было»¹⁵⁴. Но если было конкретное соборное решение о допустимости Высшим Церковным Управлением «вводить выработанные отделами предначертания в жизнь» и таковые «предначертания» в жизнь вводились то, следовательно, Собором «признаются права общерусского и малороссийского языков для богослужебного употребления» (пункт 2 выработанного отделом О богослужении «предначертания») и вполне допустимо и «частичное применение общерусского или малороссийского языка в богослужении» (пункт 4 того же документа), и удовлетворение, «в меру возможности», заявления «какого-либо прихода о желании слушать богослужение на общерусском или малороссийском языке» (пункт 5 того же документа).

Ещё современными сторонниками чистоты церковного языка иногда предполагается, вероятно, что ВЦУ, на «благоусмотрение» и «разрешение» которого Собор передал доклад «О церковно-богослужебном языке», должно было, в свою очередь, такое действие Собора каким-то образом «рассмотреть» и «утвердить», но «ВЦУ впоследствии эту резолюцию не утверждало» и «этот вопрос в дальнейшем больше не рассматривало»¹⁵⁵, а потому Поместный Собор никаких решений, утверждающих возможность изменений в языке богослужения, не принял.

Однако дело именно в том, что Высшему Церковному Управлению было предоставлено Собором не «рассматривать» и «утверждать», а

¹⁵⁴ Богослужебный язык Русской Церкви: История. Попытки реформации. М.:Издание Сретенского монастыря, 1999. – С. 68.

¹⁵⁵ Там же. С. 68, 146.

«вводить выработанные отелами предначертания в жизнь по мере надобности» (Деяние 170). И Церковное Управление впоследствии воспользовалось этим своим правом.

В этой связи нужно указать, что подобные попытки со стороны крайне консервативно настроенных авторов свести на нет соборные итоги всей предшествующей дискуссии (начиная с конца XIX века) о богослужебном языке Русской Церкви являются не вполне обоснованными. До появления в результате обсуждения на Соборе итогового документа (доклада) о церковно-богослужебном языке этот вопрос, как было показано, в ходе всего предшествующего изложения, прошел достаточно долгий путь всестороннего обсуждения в церковной печати и в собраниях, был по-настоящему осмыслен соборным церковным сознанием с учетом всего спектра мнений по нему. И плоды дискуссии по вопросу литургического языка Русской Церкви, думается, были подлинно соборными, выношенными Церковью. Так что соборное постановление по этому вопросу «не было неожиданным или в чем-то новым для церковных людей того времени. Более того, среди постановлений Собора оно являлось одним из наиболее ожидаемых и проработанных и было вполне закономерным итогом вековой работы Российской православной церкви по обсуждению и практическому решению проблемы богослужебного языка»¹⁵⁶. Это и явилось итогом усилий Церкви по наилучшему решению непростой и давно стоящей перед ней задачи.

«Подлинно соборное решение вопроса о богослужебном языке не могло сводиться к "победе" одной "партии" над другою, к вытеснению одной тенденции и абсолютизации другой»¹⁵⁷ – пишет о. Н. Балашов. На Соборе должна была состояться подлинная встреча, открывающая возможность для творческого синтеза и взаимообогащения. Состоялась ли такая встреча?

¹⁵⁶ Котт В. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. о церковно-богослужебном языке: Предыстория, документы и комментарии // Язык Церкви: Материалы международной богословской конференции. - Москва, 22-24 сентября 1998 г. - С.94.

¹⁵⁷ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 119.

Можно сказать, что да – или, если сказать точнее, отчасти да, несмотря на то, что к ней было множество препятствий, из которых далеко не все отпали в ходе Собора.

Справедливость требует сказать, что несмотря на то, что ВЦУ, согласно решению Собора 1917-1918гг., уже могло по своему усмотрению вводить выработанные отделами Собора предначертания в жизнь, вопрос о богослужебном языке, как вероятно, и целый ряд других вопросов, доклады по которым не успели обсудить в общих соборных заседаниях, в ближайшие после Собора годы вновь планировался к обсуждению на следующем Поместном Соборе. Подтверждение этому мы находим в документах ВЦУ за 1919 год. В этих документах от 25 июня совместным заседанием Св. Синода и Высшего Церковного Совета рассматривалось прошение управлявшего в то время Киевской Епархией епископа Назария (Блинова) о разрешении использовать в богослужении украинский язык. Однако годом ранее (1918г.) Украинский Церковный Собор постановил сохранять церковнославянский язык в богослужении. Вероятно поэтому «сторонников богослужения на украинском языке призвали подчиниться решению, которое вынес Украинский Собор, указав, однако, что вопрос о языке богослужения будет вновь рассмотрен Всероссийским Поместным Собором, когда окажется возможным созвать его»¹⁵⁸. Созыв следующего Поместного Собора первоначально планировался на 1921 год. Его задачами, вероятно, должно было стать продолжение и завершение работ Собора 1917-1918 гг.

Вместе с тем (и, надо сказать, в полном согласии с соборными итогами), русский язык после Поместного Собора успешно употреблялся в некоторых частях богослужения (в соответствии с 4 тезисом соборного отдела) в храмах Петроградской епархии при поддержке священномученика митрополита Вениамина. Имели место такие опыты и в Москве – причем, насколько можно судить по позднейшим документам митрополита Сергия и

¹⁵⁸ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 158-159.

его Синода, по благословению святителя Тихона. Такое благословение святейшего патриарха Тихона на использование русского языка в богослужении получили, например, московские священники Иоанн Борисов и Владимир Быков¹⁵⁹ и известный сибирский миссионер, - киевский архимандрит Спиридон (Кисляков). И что особенно характерно, в то время русский язык в церковной службе отнюдь не воспринимался в качестве приметы обновленчества.

Однако в то же время, ещё до организационного оформления обновленческого раскола, имели место случаи самочинных (без разрешения ВЦУ) нововведений в богослужение и радикальных изменений сложившейся богослужебной практики. Так, один из будущих лидеров обновленчества, находящийся на покое епископ Антонин (Грановский), по словам А. Левитина и В. Шаврова, «после революции как с цепи сорвался: проживая в Заиконоспасском монастыре (на Никольской), совершая литургию посреди храма, читал евхаристические молитвы вслух, кроил и перекраивал богослужение, изменяя его каждый день...»¹⁶⁰. В частности, еп. Антонин использовал в своих «реформированных» богослужениях русский язык.

Из подобных же реформаторов можно назвать ещё петербургского священника Иоанна Егорова и священника из города Лебедин Харьковской губернии Канстанина Смирнова, - в будущем довольно активного обновленческого деятеля. О том, что такие вопиющие нарушения богослужебной практики в первые послереволюционные годы получили довольно широкое распространение, свидетельствует относящееся к концу 1921 года письмо Патриарха Тихона епископу Томскому Виктору (Островидову) «о недопущении новшеств в церковно-богослужебной практике»¹⁶¹.

Представляется вполне очевидным, что именно эти чрезмерные

¹⁵⁹ Левитин - Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М.-Kusnacht. 1996. – С. 47.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. М. 1996. – С. 276.

вольности некоторых священнослужителей по отношению к богослужебному чину побудили Патриарха Тихона выступить с обращением к архипастырям и пастырям Православной Российской Церкви от 17 ноября 1921г. о недопустимости нововведений в церковно-богослужебной практике. Среди разных нововведений, не предусмотренных Церковным уставом, в этом обращении, в частности, называется и то, что шестопсалмие и другие богослужебные части из слова Божия читаются не на церковнославянском языке, а по-русски; в молитве отдельные слова заменяются русскими и произносятся попеременно с первыми. «На такие своеволия отдельных лиц в отправлении богослужения, - говорится дальше в обращении Патриарха, - нет и не может быть нашего благословения»¹⁶².

Так же в обращении упоминается Собор 1917-1918 гг., который разрабатывал вопросы исправлений в богослужении и снова высказывается надежда на то, что эти работы предстоит завершить будущему Собору, когда он состоится. До того же времени, пишет Патриарх, «предлагаем Архипастырям и пастырям нашей Российской Церкви воздержаться от богослужебных нововведений, дабы неосмотрительностью в сем деле не подать повода к смущениям среди верующих и не вызвать разделения в Церкви»¹⁶³. Далее, патриарх советует епископам епархий, где уже есть такие новшества, и всем органам Церковного Управления принимать все меры к искоренению этого явления времени.

Разумеется, что такое решение Высшего Церковного Управления в лице Патриарха Тихона нисколько не противоречило постановлениям Собора 1917-1918 гг. в отношении богослужебного языка. Согласно этим постановлениям, «Святейший Патриарх и Священный Синод могут по своему усмотрению и по мере надобности вводить в жизнь предложения

¹⁶² Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 162.

¹⁶³ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 163.

отдела (О богослужении), но отнюдь не обязаны делать это»¹⁶⁴. И в данном случае святитель Тихон руководствовался не разрешением Собора 1917-1918 гг. вводить русский язык в богослужение, а стремлением сохранить единство Церкви, единение и единомыслие верующих перед лицом атеистической Советской Власти. И совершенно естественно, что в тяжкое время гонений, когда само существование органов Высшего церковного управления находилось под постоянной угрозой, задача сохранения Предания Церкви и поддержания церковного единства представлялась первоочередной. Тем не менее, в Обращении принципиально признается важность развития новых форм церковно-богослужебной жизни при условии их рассмотрения и одобрения Церковью на следующем Поместном Соборе. Именно "до того времени" архиереям и священникам было предложено "воздержаться от богослужебных нововведений".

Остается только добавить, что одновременно с выступлением Патриарха Тихона с этим обращением им были наложены запрещения за самочинные литургические новшества на епископа Антонина (Грановского) и священника Константина Смирнова, которые, однако, запрещению не подчинились.

После печально известных событий весны 1922 г., - узурпации высшей церковной власти группой так называемого «прогрессивного духовенства» (будущими лидерами обновленчества) и ареста патриарха Тихона, - Ярославский митрополит Агафангел (Преображенский), временно замещавший арестованного патриарха во главе церковного управления, повторил патриаршее распоряжение о недопустимости новшеств в церковно-богослужебной практике.

Со своим посланием всем членам Русской Православной Церкви от 18 июня 1922 года митрополит Агафангел выступил именно в связи с незаконным захватом обновленцами церковной власти: «меня официально

¹⁶⁴ Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - С. 157.

известили, что явились в Москве иные люди и встали у кормила правления Русской Церкви. Они объявили о своем намерении пересмотреть догматы и нравоучение нашей Православной веры, священные каноны Св. Вселенских Соборов, Православные богослужебные уставы, данные великими молитвенниками христианского благочестия, и организовать таким образом новую, именуемую ими "Живую" Церковь»¹⁶⁵. В своем послании митр. Агафангел, не отрицая необходимости некоторых видоизменений и преобразований в богослужебной практике и обрядах, снова, как и Патриарх, ссылаясь на Собор 1917-1918 гг., выражал надежду на созыв следующего Поместного Собора, который рассмотрит всё то, что необходимо и полезно для церковной жизни и призывал воздерживаться от самовольных нововведений, которые могут вызвать смятение совести у верующих, пагубный раскол между ними, умножение нечестия и безысходного горя. «Храните единство святой веры в союзе братского мира, - призывал верующих митрополит Агафангел. - Не поддавайтесь смущению, которое новые люди стремятся внести в ваши сердца по поводу учения нашей Православной веры; не склоняйтесь к соблазнам, которыми они хотят обольстить вас, производя изменения в Православном богослужении, действуя не законными путями соборного установления, но по своему почину и разумению...»¹⁶⁶.

Итак, подводя итоги всему предшествующему повествованию, нужно отметить, что по вопросу о русском языке богослужения в начале XX века церковное сознание, хотя и с нелегким трудом, в своих поисках пришло к тому, что практическое движение в этой области вполне возможно и в некоторой степени даже желательно. Документы Предсоборного периода и Поместного Собора 1917-1918гг. в этом отношении очень показательны. В них, собственно, содержится ответ Церкви на давний вызов жизни, как бы теоретическое решение Церковью проблемы литургического языка, что

¹⁶⁵ Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М. - Kusnacht. 1996. – С. 94-95.

¹⁶⁶ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. М. 1996. – С. 305.

должно было явиться началом и практического её преодоления. И это можно было бы назвать завершением дискуссии о богослужебном языке Русской Церкви, если бы не одно но. В трагическое послереволюционное время, как известно, далеко не все выработанные Собором проекты удалось воплотить в реальную жизнь. Это касается, в частности, и вопроса о богослужебном языке. Практические действия Высшего Церковного Управления в этом отношении скоро приостановились, они стали непервостепенны, даже бесполезны и, в конце концов, невозможны. И причины этому известны – обрушившиеся на Церковь гонения, церковная разруха, обновленческий раскол.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог данному исследованию стоит сказать, что дискуссия о богослужебном языке и языке литургических текстов была одной из самых насущных и дискутируемых тем рубежа XIX-XXвв. Велась эта дискуссия на страницах церковной печати, на церковных собраниях и велась она вполне серьезно и открыто. Подводя предварительные итоги развития дискуссии о богослужебном языке Русской Церкви в XIX веке следует отметить прежде всего то, что на протяжении практически всего XIX века и, разумеется, к концу его состояние церковнославянского текста священных и богослужебных книг признавалось неудовлетворительным почти всем русским церковным обществом.

Церковная общественность всецело признавала необходимость работы, как минимум, по исправлению очевидных ошибок и наиболее непонятных мест существующего богослужебного церковнославянского текста была к концу XIX века практически общепризнанной.

Стоит также добавить, что в обществе, по крайней мере его части, было распространено желание иметь переводы богослужебных и библейских книг на русском языке. Традиция русских переводов литургических текстов, как было указано, получила вполне широкое распространение в XIX веке. Однако собственно богослужебных книг на русском языке было издано в XIX веке совсем небольшое количество. К тому же часть специалистов по данному вопросу справедливо указывали, что внебогослужебное использование русских переводов не снимает насущной необходимости правки книг, употребляемых именно в богослужении.

Наконец, в конце XIX века предлагалось совершать богослужение на русском языке. В пользу данного предложения, помимо труднодоступно пониманию церковнославянского языка, говорило то, что в русскоязычном богослужении некоторые миссионеры видели средство противодействия

распространению сектантства.

Своё продолжение вопрос о переводах и языке богослужения получил и в предсоборной период. Что касается вопросов языка богослужения, то они находили как сторонников «русификации», так приверженцев устоявшейся традиции. Что касается миссионеров, то они, как уже было указано, в русскоязычном православном богослужении видели очевидное средство противодействия распространению сектантства и усиления эффективности внутренней миссии. На некоторых съездах или собраниях духовенства и мирян такие предложения поддерживались большинством. Более того, некоторые епископы были с этим вполне согласны и сами, исходя из пастырских соображений, предлагали разрешить совершение богослужения на русском языке – полностью или частично.

Возражения против литургического употребления русского языка основывались, на эстетических соображениях, ибо с этих позиций церковнославянский язык казался его защитникам более достойным богослужебного употребления и способным отвлечь сознание молящихся от повседневной жизни, по сравнению с русским. Кроме этого, сторонники славянского языка, указывали на возможные практические трудности создания русского литургического перевода и опасались нового раскола.

Сторонники допущения в богослужении русского языка, подходя к проблеме с пастырских позиций, придавали приоритетное значение дидактическому воздействию богослужения. Учитывая соображения противоположной стороны, они предлагали четкие и продуманные программы действий. Эти программы касались как методики перевода, так и практического проведения «литургической» реформы.

Продолжительная предсоборная дискуссия не только ещё раз показала очевидную для самых разных слоев церковного общества актуальность проблемы понимания богослужебных текстов, но и имела своими плодами, как видим, конкретные предложения и варианты решения этой проблемы,

что впоследствии помогло вынести зрелое соборное суждение по этому вопросу, учитывающее практически все точки зрения.

В конечном итоге нужно сказать, что по вопросу о русском языке богослужения в начале XX века церковное сознание, хотя и с нелегким трудом, в своих поисках пришло к тому, что практическое движение в этой области вполне возможно и в некоторой степени даже желательно. Документы Предсоборного периода и Поместного Собора 1917-1918гг. в этом отношении очень показательны. В них, собственно, содержится ответ Церкви на давний вызов жизни, как бы теоретическое решение Церковью проблемы литургического языка, что должно было явиться началом и практического её преодоления. И это можно было бы назвать завершением дискуссии о богослужебном языке Русской Церкви, если бы не одно но. В трагическое послереволюционное время, как известно, далеко не все выработанные Собором проекты удалось воплотить в реальную жизнь. Это касается, в частности, и вопроса о богослужебном языке. Практические действия Высшего Церковного Управления в этом отношении скоро приостановились, они стали непервостепенны, даже бесполезны и, в конце концов, невозможны. И причины этому известны – обрушившиеся на Церковь гонения, церковная разруха, обновленческий раскол.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

1. Аксаков И.С. Сочинения: В 7 т. Т. 4: Общественные вопросы по церковным делам. - М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. - 770 с.
2. Астафьев И.А. Опыт истории Библии в России в связи с просвещением и нравами. – СПб., 1892. – 231 с.
3. Ахматов Д., свящ. К вопросу о замене богослужебного церковнославянского языка русским // Миссионерское обозрение. - 1911. - №1. - С. 13-29.
4. Боголюбский М., прот. Об издании Библии в русском переводе в Лондоне [В. Кельсиевым]. (Письмо из-за границы.) // Православное обозрение. – М.: В типографии Каткова и К°. – 1860 г. (Ноябрь). – С. 381-391.
5. Богослужение на русском языке, как средство противодействия сектантству // Церковный вестник. - 1887. - №48. - С. 833-835.
6. Взгляд на прошедшее и надежды в будущем. От редакции к читателям и сотрудникам // Православное обозрение. - 1870. Февраль. - С. 195-243.
7. Мнение преосвященного Феофана Затворника о потребности в новом исправлении церковно-богослужебных книг // Душеполезное чтение. - 1896. - №10. - С. 462-464.
8. Павловский И.О церковнославянском языке: Настоящее его положение; потребности, вызываемые этим положением // Церковно-общественный вестник. - 1879. - № 78. - С. 5-6.
9. Павловский И.О церковнославянском языке: Настоящее его положение; потребности, вызываемые этим положением // Церковно-общественный вестник. - 1879. - №81. - С. 2-3.

10. Певницкий В.Ф. О церковно-богослужебном языке // Прибавления к Церковным ведомостям. - 1908. - №26. - С. 1217-1219.
11. Певницкий В.Ф. О церковно-богослужебном языке // Прибавления к Церковным ведомостям. - 1908. - №27. - С. 1268-1273.
12. Певницкий В.Ф. О церковно-богослужебном языке // Прибавления к Церковным ведомостям. - 1908. - № 28. - С. 1315-1318.
13. Певницкий В.Ф. О церковно-богослужебном языке // Прибавления к Церковным ведомостям. - 1908. - №30. – С. 1410-1412.
14. Покровский Г., прот. Православное богослужение на русском языке желательно ли? // Церковный вестник. - 1888. - №4. - С. 76-77.
15. Самуилов С., свящ. О богослужении на русском языке // Миссионерское обозрение. - 1907. - №9. - С. 1337-1342.
16. Силин Д., свящ. Печальное недоразумение. (По вопросу о церковно-богослужебном языке) // Богословский вестник. - 1910. - №7-8. - С. 493-504.
17. Силин Д., свящ. Печальное недоразумение. (По вопросу о церковно-богослужебном языке) // Богословский вестник. - 1910. - №11. - С. 446-466.
18. Силин Д., свящ. Печальное недоразумение. (По вопросу о церковно-богослужебном языке) // Богословский вестник. - 1910. - №12. - С. 658-679.
19. Труды митрополита Московского и Коломенского Филарета по переложению Нового Завета на русский язык. – СПб.: Синодальная тип., 1893. – С. 3-11.

ЛИТЕРАТУРА

20. Алексеев А.А. Библейские исследования в России в XIX и XX вв. // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. - 2014. - Вып. 1 (36). - С. 9-28.
21. Антоний (Блум), митр. О богослужении и стиле христианской

жизни // ЖМП. - 1968. - №9. - С. 67-72.

22. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. 29 ноября - 2 декабря 1994г. Москва. Документы, доклады. М., 1995.

23. Балашов Н., прот. На пути к литургическому возрождению. - М: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001, - 507 с.

24. Балашов Н., прот. Язык богослужения. Из истории церковной дискуссии в России // Континент. – 1998. - № 98. - Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/1998/98/ba9.html>

25. Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. - М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2004. - 664 с.

26. Бем А.Л. Церковь и русский литературный язык // ЛОГОС (богословско-философский журнал). – Брюссель-Москва, 1998. – № 46. – С. 43-125.

27. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. - М.: Наука, 1990. - 336 с.

28. Богослужебный язык Русской Церкви. История. Попытки реформации. Сборник / Сост. Н. Каверин. М.: Изд. Сретенского монастыря, 1999. - 414 с.

29. Борисов А., священник. Побелевшие нивы. Размышления о Русской Православной Церкви. - М.: Путь, 1994. – 199 с.

30. Верещагин Е.М. Переводы с церковнославянского на немецкий: анализ опыта в свете перспектив перевода на русский // Язык Церкви. – Вып. 1. – М., 1997. – С. 68-88.

31. Глубоковский Н. Славянская Библия / Сборник в честь на проф. Л. Милетич: за седемсетгодишнината отъ рождението му (1863-1933). - София: Издание на Македонския Научен Институт, 1933, - С. 333-349.

32. Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга

1. - Тверь: Булат, 1992. -238 с.

33. Дестивель Иакинф, свящ. Поместный собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности. - М.: Издательство Крутицкого подворья; Общество любителей церковной истории, 2008. - 307 с

34. Живов В. М. Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков // Актуальные проблемы славянского языкознания. – М., 1988. – С. 49-98.

35. Живое предание: Материалы международной богословской конференции (Москва, октябрь 1997 г.). - М., 1999. - 392 с.

36. Иларион (Алфеев), игум. Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. - Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2000. – 256 с.

37. Канунова Ф.З. Исследование и перевод Нового Завета в нравственно-эстетических исканиях В. А. Жуковского. Режим доступа: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf-/1431097661.pdf

38. Козаржевский А.Ч. А.И. Введенский и обновленческий раскол в Москве // Вестник Московского Университета. Сер.8. История. - 1989. - №1. - С.54-66.

39. Кондаков Ю.Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. – СПб.: Изд-во «Росс. нац. б-ка», 2003. – 360 с.

40. Костромин А.Б. Единство Церкви и проблема перевода богослужебных текстов // Единство Церкви: Богословская конференция 15-16 ноября 1994 г. – М., 1996. – С. 185-189.

41. Костромин А.Б. О переводе богослужебных текстов: pro et contra двух языков // Язык Церкви. – Вып. 2. М., 1997. – С. 108-116.

42. Котт В. «Мы бережем золотник, а теряем пуд». Очерк истории русского богослужебного языка // Православная община. - 2000. - №56 (2). - С.32-64.

43. Котт В. Обновленчество. Некоторые новые документы и оценки // Живое предание: Материалы международной богословской конференции. - Москва, октябрь 1997г. - С.143-157.
44. Котт В. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. о церковно-богослужебном языке: Предыстория, документы и комментарии // Язык Церкви: Материалы международной богословской конференции. - Москва, 22-24 сентября 1998 г. - С.94-123.
45. Кочетков Георгий, священник. Предисловие // Православное богослужение. – Вып. 1. Русифицированные тексты вечерни, утрени, литургии св. Иоанна Златоуста. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1999. – С. 5-16.
46. Кравецкий А.Г. Дискуссии о церковнославянском языке (1917-1943) // Славяноведение. – 1993. – № 5. – С. 116-135.
47. Кравецкий А.Г. Литургический язык как предмет этнографии // Славянские этюды. – М., 1999. – С. 228-242.
48. Кравецкий А.Г. Проблема богослужебного языка на Соборе 1917-1918 годов и в последующие десятилетия // ЖМП. - 1994. - №.2. - С. 68-87.
49. Кравецкий А.Г. Проблема исправления книг в истории церковнославянского языка XX века: Автореф. дис. канд. филол. наук / Кравецкий Александр Геннадиевич. – М, 1999. – 22 с.
50. Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. История церковнославянского языка в России (XIX-XX вв.) – М.: «Языки русской культуры», 2001. – 398 с.
51. Красно -Левитин А. Лихие годы. 1925-1941. - Париж: YMCA-Press, 1977. - 380 с.
52. Кригер М. В чём опасность библейских обществ // Богослужебный язык Русской Церкви: История. Попытки реформации. – М., 1999. – С. 379-411.
53. Крисп С. Современные теории перевода и современные переводы Библии // Перевод Библии: Лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты. Материалы конференции, Москва, 28-29 ноября 1994 г. – М., 1996. – С. 65-72.

54. Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. - М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1996. – 672 с.
55. Логачев К. Издания русских переводов Библии (К столетию создания первого полного перевода Библии на русский язык). // Журнал Московской Патриархии». – 1975. – № 11. – с. 73-80.
56. Логачев К. Издания русских переводов Библии (К столетию создания первого полного перевода Библии на русский язык). // Журнал Московской Патриархии». – 1975. – № 7. – с. 72-78
57. Логачёв К.И. К вопросу об улучшении русского перевода Нового Завета (Лексико-фразеологические проблемы русского перевода) // Богословские труды. – Сб. №14. – М., 1975. – С. 160-165.
58. Лутковский Л.Н. Библейские переводы в контексте истории культуры: (Исторические и лингвистические особенности переводов Священного Писания) // Язык и культура: Вторая междунар. конференция. Доклады. – Киев, 1993. – С. 10-12.
59. Мещгер Б.М. Текстология Нового Завета / Пер. с англ. Кузнецова В.С., Дмитриева Д.В., Самарина О.Ю. – М.: Библейско-Богословский институт св. апостола Андрея, 1996. – 334 с.
60. Мечковская Н.Б. Язык и религия. - М.: Агентство «ФАИР», 1998. - 352 с.
61. Мещерский Н.А. История русского литературного языка. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. – 279 с.
62. Михайлова Н.Э. Семантическое поле «путь» в Синодальном переводе Евангелия от Матфея (в сопоставлении с греческим и латинским текстами) // Вопросы истории и источниковедения русского языка. – Рязань, 1998. – С. 69-73.
63. Мокиенко В.М. Фразеологические библеизмы в современном тексте // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов. – СПб., 1995. – С. 143-158.

64. Муравьев А.В. «Сакральный» язык в историко-церковной перспективе // Единство Церкви: Богословская конференция 15-16 ноября 1994 г. – М., 1996. – С. 190-194.

65. Муравьев А.В. «Священный» язык в историко-церковной перспективе // Богослужебный язык Русской Церкви: История. Попытки реформации. – М., 1999. – С. 238-246.

66. Никодим (Ротов), митр. Изменяющийся мир (Информация и анализ богословских и пастырских направлений в Церкви после встречи в Загорске в 1973 году) // ЖМП. – 1975. - №10. - С. 56-60.

67. Осипов А. К изданию русской Библии // Журнал Московской Патриархии. – М., 1955. – № 8. – С. 58-66.

68. Отзывы епархиальных архиереев по вопросам о церковной реформе. Ч. 1. - М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 2004. - 1031 с.

69. Плетнева А.А. К проблеме перевода богослужебных текстов на русский язык // ЖМП. - 1994. - №2. - С. 62-67.

70. Плетнева А.А. Церковнославянский язык в XX веке // Вестник Российского гуманит. науч. фонда. – 2000. – № 3. – С. 167-176.

71. Пономарев П., свящ. О церковно-богослужебном языке // Самарские епархиальные ведомости. - 1912. - №23. - С. 692-696.

72. Постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Патриаршего Синода о принятии в общение со Св. Церковью и о допущении русского языка в церковном богослужении от 10 апреля 1930 г. за №69 // ЖМП. - 1931. - №5. - С. 2-3.

73. Прозоров Ю.М. Из рукописного наследия В.А. Жуковского: Переводы фрагментов Священного Писания. Публикация и предисловие Ю.М. Прозорова // Христианство и русская литература. – СПб., 1994. – С. 128-157.

74. Прокши Рудольф, свящ. Пастырские реформаторские устремления Священного Собора Русской Православной Церкви 1917-1918 гг.: Необходимое обновление или предвестник обновленчества? // Живое

предание: Материалы международной богословской конференции. - Москва, октябрь 1997г. - С. 184-195.

75. Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. - М.: Крутицкое Патриаршее подворье 1996. – 632 с.

76. Реферат преподавателя духовной семинарии Н.И. Кедрова // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. - 1910. - №5-6. - С. 375-379.

77. Рижский М.И. История переводов Библии в России. – Новосибирск: Наука, 1978. – 208 с.

78. Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ. - М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. - 567 с.

79. Рожков Владимир, прот. Церковные вопросы в Государственной Думе. - М.: Крутицкое патриаршее подворье, 2004. - 560 с.

80. Священный Собор Православной Российской Церкви. Из материалов отдела о богослужении, проповедничестве и храме // Богословские труды. - 1998. - №34. - С. 202-388.

81. Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX-XX веках // Богословские труды. - 1970. - СПб. - V. - С. 25-68.

82. Сретенский сборник. Научные труды преподавателей СДС. Выпуск 4 / Сретенская духовная семинария. /Под.общ.ред.архим.Тихона (Шевкунова); ред. прот.Н.Скурат, иером.Иоанн (Лудищев). - М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. - 496 с.

83. Струнников А. О славянском языке в церковном богослужении // Вера и разум. - 1888. - Т. I. - С. 287-300.

84. Тареев М.М. По вопросам гомилетики. Критические очерки. - Свято-Троицкая Сергеева лавра, 1903. – 187 с.

85. Федотов Г.П. Славянский или русский язык в богослужении // Путь. – Рига, 1938. – № 57 (август - сентябрь - октябрь). – С. 3-28.

86. Федотов Г.П. Славянский или русский язык в богослужении // Язык Церкви. - Вып.2. - М. 1997. - С. 3-29.

87. Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). - М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2002. - 623 с.

88. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. - М.: Институт русской цивилизации, 2009. - 848 с.

89. Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык. Второе издание. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. - С. 1-16. – Режим доступа: <http://biblia.russportal.ru/index.php?id=history.chistovich01>

90. Язык Церкви: Материалы международной богословской конференции. Москва, 22-24 сентября 1998 г. - М.: Свято-Филаретовский институт, 2002. – 352 с.